

НОВАЯ ПОЛЬША

№4₍₈₎

2000

И о с и ф Б р о д с к и й о П о л ь ш е

Митрополит Савва о православной церкви в Польше

Лешек Бальцерович о «Polinische Wirtschaft»

Валерий Мастеров: Почему нет рая на земле

Русские юношеские стихи Ярослава Ивашкевича

Тадеуш Столяжевский: На «Газике» по России

о. Михаил Чайковский об отношениях с иудаизмом

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

В НОВЫЙ ВЕК - С НОВОЙ ПОЛЬШЕЙ

На наш журнал можно подписываться
на любой срок, переводя соответствующую сумму
на счет:

Biblioteka Narodowa,
Bank Handlowy S.A. I O/Warszawa
№ 10301016-03327001.

Цена подписки:

в Польше:

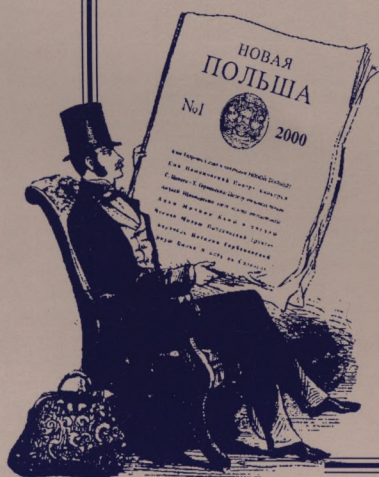
квартал: 15 злотых,
полугодые – 30 злотых;
год – 60 злотых;

зарубежной:

квартал: 15 ам. долларов,
полугодые – 30 ам. долларов;
год – 60 ам. долларов,

информация о подписке для стран СНГ:

Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская, д.15, кв. 49
тел. 280-83-52
e-mail: mik@mecom.ru

НОВАЯ ПОЛЬША

ISSN 1508-5589

№ 4(8)

2000

АПРЕЛЬ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Иосиф Бродский
ПОЛЬША

3

Валерий Мастеров
ПОЧЕМУ НЕТ РАЯ НА ЗЕМЛЕ

7

Жорж Нива
ОН БЫЛ ПАРОМЩИКОМ...

7

Лешек Бальцерович
POLNISCHE WIRTSCHAFT?

10

Виктор Кулерский
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

12

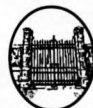
Митрополит Савва отвечает на вопросы НП
ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ПОЛЬШЕ...

17

ПОЛЬСКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ

18

Беседа с Александром Янышевым
С ВОЛИ

22

Виктор Кулерский
ПРОДОЛЖЕНИЕ „БОЛЬШЕВИКА”

22

Василий Щукин
МЕЖДУ АФИНАМИ И ИЕРУСАЛИМОМ

27

Ярослав Ивашкевич
РУССКИЕ ЮНОШЕСКИЕ СТИХИ

32

Януш Красинский
МОЯ ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

37

НАШИ ЛЮДИ

Тадеуш Столяжевский
НА „ГАЗИКЕ” ПО РОССИИ

41

Лешек Шаруга
ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

44

Янина Куманецкая
ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

48

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА ИЛОВАЙСКАЯ

53

БЕСЕДЫ К КОНЦУ ВЕКА

о. Михал Чайковский
О СТАРШИХ БРАТЬЯХ ПО ВЕРЕ

54

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

53

Редакционный совет

Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Анджей Щипёрский
Януш Тазбир
Станислав Чёсек

Главный редактор

Ежи Помяновский

Редколлегия

Наталья Горбаневская
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Кристина Пашек

(секретариат)

Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих

(зам. главного редактора)

Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

(главный художник)

Станислав Филипчак

(ответственный секретарь)

Графика, макет и верстка

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
00-973 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
00-973 Варшава
телефоны:

(0-22) 608 27 95
608 26 65

факс:

608 25 05
608 27 96

e-mail: nowpol@bn.org.pl

Издатель

BIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

По поручению
Министерства Культуры
и Национального Наследия
Республики Польша

Переводчики: А.Базилевский, Н.Горбаневская, А. Пустынцева, Е. Редлих,
С.Свяцкий, С. Тонконогова, С. Филипчак, Е. Шиманская.

Корректоры: Н.Кузнецов, Э.Марчинкевич.

Фото ©: G. Kozakiewicz (Tygodnik Powszechny) стр. 3, T.Walczak (PAP/CAF) стр. 10, E.Ciolek (Rzeczpospolita) стр. 37, Grzegorz Przebinda стр. 53, A.Rybczyński (PAP/CAF) стр. 54.

Иосиф Бродский

ПОЛЬША

Все, что я собираюсь сказать, по логике вещей должно быть сказано по-польски или по-русски. Но мой польский, которого четверть века назад хватало, чтобы накропать приличествующий случаю стишок, теперь уже мертв. Что же касается русского, то, думаю, у большинства из вас сегодня на него аллергия. Остается английский, который, надеюсь, еще не вызывал у вас аллергической реакции и который помогает держать чувства под контролем, ибо то, что я собираюсь сказать, весьма сентиментально.

Я хотел бы поблагодарить Польшу.

Начну с благодарности Силезскому университету за то, что он удостоил мою скромную особу почетного звания: эта честь возбудила во мне признательность, но в то же время и ошеломила – ведь особых заслуг перед польской культурой и литературой у меня нет. Правда, я перевел на русский произведения нескольких польских поэтов, но это не так уж много, да и переводы не такие уж замечательные. Эти переводы – Норвида, Галчинского, Милоша, Херберта, Шимборской, Стаффа (я перечисляю только некоторых) – были не столько вкладом в так называемый русско-польский культурный диалог, сколько фактом моей собственной биографии. Мне кажется, что их читателям я, как переводчик, дал не так уж много. Скорее я дал им нечто как человек, читавший этих названных и не названных мною поэтов. Что же касается вклада, то все обстоит как раз наоборот – это польские поэты и их произведения способствовали формированию или, точнее, сформировали мысль стоящего перед вами. Итак, в самом факте присуждения мне этого звания налицо явная тавтология. И все же я принимаю его с радостью. В определенном возрасте все, что делается или говорится, превращается в “память реки об истоке”.

Позвольте мне продолжить в том же духе.

Здесь, на польской земле, перед вами, поляками, мне хочется выразить вашему народу благодарность за уничтожение того величайшего зла, какое когда-либо постигло человечество – коммунистической системы. Если кто-то считает, что я преувеличиваю, я, с вашего позволения, поясню свою мысль.

То, что ваша страна сделала с коммунистической системой, было сделано не силой оружия. Более того, думаю, это действие не было запланировано. Как шутила великая русская поэтесса

Июнь 1993 г.
Иосиф Бродский
возлагает цветы
перед входом
в шахту „Вуек”

Анна Ахматова: “Поляки умеют не воевать, а бунтовать”... “Военное искусство поляков – ничто в сравнении с их талантом к мятежу...” А мятеж редко бывает умышленным действием, чаще инстинктивным.

Этот ваш инстинкт – тот самый, который я так ценю – в отличие от многих его носителей никогда не погибал. Даже угасая, он принимает форму предельного упрямства или открытого сопротивления. Я не верю в существование особой польской души, как не верю в особую русскую, немецкую или бразильскую душу. Я не верю, что Всевышний делит наши души по географическому принципу. Но существование национального характера – это, я думаю, факт. И, если что и отличает ваш народ от соседей на востоке, на западе и на юге, так это как раз упрямство, ваша способность к отпору.

Я говорю не как эксперт, но как ваш ученик. Если мое присутствие здесь можно чем-то объяснить, то прежде всего фактом, что искусству сопротивления я научился главным образом у вас, у поколения ваших родителей. Говорю это не потому, что хочу польстить, но потому, что, оглядываясь на свою молодость, понимаю: в те времена, сорок лет назад, вряд ли возможно было избрать иную линию поведения – по крайней мере в моем отечестве. В этом смысле я и в самом деле гожусь, быть может, на роль почетного поляка.

Я не идеализирую вашей послевоенной истории. Не сомневаюсь, что в тот период в Польше также дошло до многочисленных актов коллаборации, до добровольных связей с коммунистической системой. Ни одному народу не чужда вульгарность сердца. Именно на ней основывалась вся система, другого фундамента не было. Однако чаша весов никогда не склонялась в пользу коллаборации или, если угодно, сотрудничества с системой. Можете объяснять это влиянием католической Церкви, шляхетской традицией или инерцией антисоветских настроений. Лично я думаю, что разгадка лежит в самом польском языке, а точнее – в одном его слове.

Это слово – “niepodległość” (независимость) – обычно переводится на английский как “independence”. Вы, коренные поляки, употребляете его в узкополитическом значении. Коренные поляки редко осознают этимологию выражений, которыми ежедневно пользуются. В буквальном значении этого существительного содержится отказ подчиниться кому-либо или чему-либо. Возможно, более точным переводом было бы “un-prone-ness”, “не-склоненность”. Пусть за века политической болтовни это слово пообтрепалось – в сознании коренного поляка оно звучит как перманентный отказ подчиниться. Или, может быть, “non-submissiveness”, непослушание? Быть может. Но, как это случается с суффиксами, палатализованное “ность” – не то же самое, что “ness”, а английская приставка “non” не соответствует первоначальному выгибающему губы “не”.

В сущности, уже одно это “не”, растягивающее губы в подобие антиулыбки, должно было справиться с коммунистической системой. Возможно, так и случилось, потому что человек, черпающий чувственное удовольствие в отрицании, подвержен уничтожению, но не уничтожим. Пусть сказанное мною – чистая фантазия, хотя и обоснованная профессионально, но, в конце концов, именно вашему языку вы обязаны завоеванием “independence”, т.е. самостоятельности, ибо “независимостью” (niepodległością) вы обладали всегда.

Существует, вероятно, более убедительное толкование польского политического феномена, и все же позвольте мне остаться при своем упрямстве: к тому, что коммунистическая система пала, не привели ни сила вашего оружия, ни сознательное сопротивление; подействовало одно единственное слово или его приставка, эвфонически укоренившие вашу инстинктивную реакцию. Потому что слова и их составные части, особенно гласные, влияют на нервную систему человека как усилители и vice versa. Война политической системы с нервной не может закончиться победой

первой, если только этой победы не обусловят безумие или смерть. Чем дольше длится война, тем сильнее эвфония отрицания, поскольку сопротивление становится автоматической реакцией. И если сопротивление проявляется в форме литературы, в нем звучит ироническая монотонность.

Но то, о чем я сейчас говорю, является всего лишь запоздалой рефлексией. Даже с учетом источника вашего сопротивления и его масштабов (особенно в 80-ые годы, с появлением “Солидарности”) вы не могли представить себе его результатов. Когда вы пытались приблизить будущее, вы делали это, конечно, с оглядкой, не предугадывая последствий и опасаясь кровопролития. Но по какому признаку узнаешь настоящего игрока? Он заранее допускает возможность проигрыша.

Существует еще одно обстоятельство, о котором не имели представления ни вы, ни ваши противники в Кремле: проигрыш одного из игроков компрометирует всю игру, ибо игры, независимо от сложности, лишены самосознания и способности самокорректировки. Скомпрометированная игра лишает игроков преимущества, и чем больше было преимуществ, тем более разрушительной становится ее бессмысленность для обладателя сильной карты.

Именно это произошло с людьми в Кремле при возникновении “Солидарности”. Поляки поняли, что, начав действовать в этой ситуации, они рискуют поражением, однако в равной степени они рискуют и если отступят. Эта констатация ввела в их умы качественно новое понятие: амбивалентность. Амбивалентность, перефразируя лорда Эктона, вызывает коррозию, а наталкиваясь на идеологию, приводит к коррозии абсолютной. Чем коснее ум, чем более он пускается в “или-или”, тем сильнее охватывает его паралич, вызванный неспособностью к принятию решения. Именно за это я и благодарен полякам – за введение амбивалентности в умы восточной сверхдержавы. Остальное было делом природы, и она сделала свое дело.

Теперь вам предстоит разыграть совсем другую партию. Теперь у вас под боком нет ни внешнего врага, игравшего роль воплощения зла, ни другого, в образе государства. Теперь вам предстоит стать лицом к лицу со злом в вас самих. Ибо триумф над силами зла не превращает кого-либо в доброго человека автоматически. Если бы так было, на Земле давно был бы рай.

Как вы, вероятно, знаете, источником всякого зла в человеке является корыстолюбие, питающееся за счет других. Как вы намереваетесь совладать с ним, мне неизвестно. Ваше давнее упрямство мало вам поможет, разве что вы преобразите его в кодекс принципов взаимной любви. Трудно представить себе такое законодательство, особенно сейчас, когда вы делаете все от вас зависящее, чтобы подражать западным демократиям.

Сопротивление собственному корыстолюбию, постоянная забота о ближнем требуют создания иного инстинкта, нежели сопротивление полицейскому государству. Мне не приходит на ум ни одного слова польского языка, которое характеризовало бы этот инстинкт. Да я и не знаю, существует ли он на самом деле. (Уверен только, что я забыл польский язык.) Может быть, существует слово, передающее “compassion”, (со-чувствие) или “misericordia”? Может быть, всю проблему стоит передать Церкви?

Однако, если учесть всю совокупность проблем Церкви вообще и польской католической Церкви в частности, в этом можно усомниться. Потому что человек – это сумма не столько своих верований или убеждений, сколько своих поступков. Кроме того, принимая во внимание бедность, в какой пребывает ваш народ, забота о личных интересах представляется мне делом неизбежным. В этих условиях надежда на сохранение эгалитарного мироощущения, чувства “все-мы-в-одной-лодке” кажется мне, простите, безумной.

Печально и горестно видеть, как демократия, завоеванная с таким трудом, уступает место искушениям себялюбия. Так происходит повсюду и, если я скажу вам, что Польша копирует в этом Россию, ничего не изменится. Несомненно, стоило бы поискать нравственных ориентиров

где-нибудь в другом месте, но ни на Западе, ни на Востоке нет убедительной модели, за исключением, разве что, монастырского устава.

Единственное противоядие против безбрежного себялюбия, какое приходит мне в голову – это хороший вкус и сомнение по отношению к самому себе. Однако эти качества не значатся в списке законов индустриальной демократии. Такую жатву можно собрать лишь с произведений искусства, в особенности – литературы. В то время как негативный потенциал человека проявляется в преступлении, потенциал добра проявляется в искусстве, сфере принципиально свободной от утилитаризма.

Вопреки бытующему мнению, искусство не подражает жизни (иначе оно превратилось бы в явление вторичное), но дает образец, к которому следует стремиться. Короче говоря, старается хвалить жизнь жизни. Памятник говорит прохожему: будь как я; роман говорит читателю: мысли, как я. Такие взаимоотношения возможны – в противном случае ни к чему был бы алфавит. Однако он существует, и логическим следствием его существования является развитие литературы и вкуса к ней. Человек с хорошим вкусом в меньшей степени подвержен гипнозу демагога. Истоки коммунистической системы коренятся не столько в дурном вкусе ее создателей, сколько в дурном вкусе ее подданных.

Если вы стремитесь к сохранению демократии, которая неизбежно ведет к общественному неравенству, то я предлагаю вам предоставить первое место в вашей республике литературе. Учитывая количество жителей в Польше, а также инерцию централизованного государства, можно представить себе превращение поляков в народ читателей. Нужно лишь начать печатать в больших многотиражных газетах шедевры литературы в отрывках с продолжением. И реализовывать эту программу в рамках всей страны в течение примерно десяти лет. Что касается выбора авторов, то лично я начал бы с Пруста и Музиля. Впрочем, консультантов у вас много, а некоторые из них находятся сейчас в этом зале. Что же до стоимости, то даже при нынешнем состоянии хозяйства вы можете себе это позволить.

Социальное расслоение в Польше неизбежно, культурного же, мне кажется, можно избежать, чего, по-моему, и следует добиваться. Это могло бы завершиться возникновением подлинно цивилизованной демократии в сердце Европы. Ибо целью демократии является равенство граждан перед лицом культуры, а культура как произведение рук человеческих демократична уже в силу самого своего существования. В противном случае Речь Посполитая рискует превратиться в своего рода полицейские джунгли.

Наверное, я говорю так оттого, что моя Польша родилась из книг, ибо для меня Польша – скорее состояние ума или сердца, нежели реальное полицейское или демократическое государство. Возможно, мои фантазии носят чересчур книжный характер. Несмотря на это я глубоко верю, что культура, а особенно литература – это то единственное, что может оградить республику от вульгарности человеческого сердца. Потому что литература куда честнее, чем произвольный набор законов, тем более, что для реализации ее кодекса полиция не нужна. Она надежнее Церкви и часто предлагает более доброкачественную метафизику. В конечном итоге, она значительно долговечнее, чем любая энциклика или конституция. И потому я считаю, что ваша Речь Посполитая должна приспособиться к роли книгохранилища, что является высшей формой демократии. Если вы полагаете, что эта идея наивна, значит Силезский университет наградил своим высшим титулом неподходящего человека, а все мы – и вы, и я – потеряли сегодня вечером некоторое количество времени. Это значит также, что кое-кому стоит извиниться перед будущим вашей страны.

Иосиф Бродский, Нью-Йорк, 31 мая 1993 г.

пер. С. Святский

Валерий Мастеров

ПОЧЕМУ НЕТ РАЯ НА ЗЕМЛЕ

**Как нобелевский лауреат Иосиф Бродский стал доктором
honoris causa Силезского университета в Катовице**

Открыл первый номер «Новой Польши» за 2000 год и... замер. Эссе Петра Мицнера «Как жаль, что Дравича с нами нет». Прочитал залпом. И осознал, что даже не заметил, как умчались два с половиной года после смерти Анджея Дравича. Задумался и понял: тот, кто знал этого притягивающего к себе обаятельного человека, кто хоть раз участвовал в чем-нибудь, что происходило благодаря одному его присутствию, тот сердцем не сможет согласиться с тем, что пана Анджея уже нет. Во время дискуссий «по следам актуальных событий в России», под градом вопросов польских коллег рядом с ним всегда можно было чувствовать себя легко. Он никогда не подавлял, но поначалу даже мягко поддерживал оппонента, чтобы затем тонко перехватить инициативу, которая переходила в убеждения, подкрепляемые невероятной эрудицией и широким кругозором.

Почему-то я сразу вспомнил, как Анджеем Дравич общался с Иосифом Бродским, которого он переводил и очень высоко ценил еще до всемирного признания. Вспомнил их продолжительную беседу «на лоне природы» под пронизательным оком телекамеры, которой два собеседника даже не замечали, словно боясь не наговориться. Бродский приезжал тогда в Польшу по случаю присвоения ему звания почетного доктора.

Атмосфера вокруг имени Иосифа Бродского в Польше всегда была так наэлектризована, что, казалось, стоит его произнести — и услышишь разряды. Правда, сам поэт был удивлен, и, как позже признался, ошеломлен известием о решении сената Силезского университета в Катовице присвоить ему звание почетного доктора.

Первые польские переводы стихов Бродского появились где-то в середине 60-х. Сначала их печатала литературная периодика, потом перемещенные контрабандой рукописи и самиздастовские копии стали «неофициально», а прямо говоря — нелегально — выходить отдельными

Жорж Нива ОН БЫЛ ПАРОМЩИКОМ...

С известным славистом профессором Жоржем Нива мы встретились на кафедре русской литературы Женевского университета. Беседа была долгой и интересной, касалась, в основном, проблем русской культуры. Но часть ее мы посвятили Анджею Дравичу.

- Как давно вы познакомились с Дравичем

- Где-то в середине шестидесятых годов я пригласил его в Тулузу, поработать в тамошнем университете. Вспоминаются бесчисленные встречи, разговоры с ним... Помню, в 1981 году, во время военного положения, Краковский университет организовал конференцию, посвященную Борису Пастернаку. Дравич и Ворошильский только что вышли из заключения. Мы, друзья, окружили их, слушали их рассказы о том, как интернировали, как им жилось в заключении. Узнали, что это не ГУЛАГ, что они даже могли заниматься там творческой работой.

- Как выглядел Дравич после заключения?

- Он вообще был человеком очень динамичным. А тогда мне показалось, что энергии у него даже прибавилось. Он словно получил какой-то новый импульс и с еще большим рвением приступил к реализации своих замыслов в области русской литературы. Его любовь к русской культуре, которая, кстати сказать, сильно подпитывалась и его женой Верой, очень помогавшей ему, обрела как бы новые крылья. И эта его деятельность пропагандиста русской культуры сыграла в Польше свою положительную роль.

- Что, на ваш взгляд, является самым существенным в его творческом наследии?

- Я не мог читать всего, что он публиковал в Польше. До меня доходило далеко не все. Но он всегда писал очень живо. И чаще всего я соглашался с ним. Иногда, правда, его высказывания казались мне чересчур оптимистическими по духу. Хотя я и сам не считаю себя пессимистом. Безусловно, значительны его работы о русской национальной идее, о Булгакове. Я полагаю, что основной его вклад в русистику - это книга о Булгакове, или, как он сам говорил, о малом и большом дьяволе. Эта книга, безусловно, останется. Остальные - это как бы этапы его жизненного маршрута: "Спор о России", "Поцелуй на морозе"...

- Вы упомянули о положительной роли деятельности Дравича в Польше как русиста...

- Да, он был своего рода паромщиком, перевозившим все лучшее с берега одной культуры на берег другой. Россия, русская культура открылись Польше благодаря Дравичу с лучшей,

книгами. Бродский, в свою очередь, переводил Норвида, Галчинского, Милоша, Стаффа... В то время он уже был изгоем в родной литературе, но успел выучить польский благодаря интересу к польским газетам и журналам, которые считал захватывающим источником информации о Западе. С тех пор он был равнодушен к Польше, а в последние годы жизни даже состоял в редколлегии «Зышитов литератских» («Литературных тетрадей»).

Бродский всегда писал то, что хотел, а не то, что дозволялось. Однако в Польше он стал легендарным не только благодаря этому. Адам Михник как-то заметил, что, хотя Иосиф Бродский крепко не поладил с миром тоталитарной политики, он никогда не был политическим писателем: «В нем есть что-то от пророка, замороженного человеческого формой и природой мира. Красота и любовь, надежда и вера, жестокая ирония судьбы и ужас, переплетенный с шуткой — таков мир стихов и эссе Бродского. Такова и его судьба: надежда русской поэзии и объект наблюдений советской полиции, переводчик метафизической поэзии, осужденный за «тунеядство и литературную контрабанду», ссыльный, пария, изгнанник, а затем — лауреат Нобелевской премии. Такова была биография метафизического поэта в мире политического деспотизма».

В июне 1993 г. на чествование свежее испеченного доктора honoris causa, которое продолжалось несколько дней, в Польшу съехались известные литераторы и переводчики, деятели культуры и искусства. Приехали и друзья Бродского, поэты, профессора американских университетов: нобелевский лауреат Чеслав Милош, Томас Венцлова, Станислав Баранчак («что-то вроде литературной мафии европейцев в Соединенных Штатах», как выразился Милош). Литературные конференции, встречи с читателями, очереди за автографом к автору, премьера спектакля «Мрамор» и, конечно, церемония присвоения звания.

Полагающуюся в таких случаях речь Бродский произнес по-английски. Посчитал, что его польский уже мертв, а на русский у большинства присутствующих аллергия. Он поблагодарил польский народ не только за признание его творчества, но и «за уничтожение величайшего зла, какое постигло человечество, — коммунистической системы».

Тогда я поймал себя на мысли, что, выступая в мантии почетного доктора, Бродский словно продолжает свою нобелевскую лекцию о частности человеческого существования, которой учит искусство. «Будучи наиболее древней и наиболее буквальной формой частного предприни-

мательства, оно вольно или невольно поощряет в человеке ощущение индивидуальности, уникальности, отдельности, превращая его из общественного животного в личность», — так говорил он в Стокгольме, в 1987 году.

И вот в Катовице: «Единственное противоядие против безбрежного себялюбия, какое приходит мне в голову — это хороший вкус и сомнение по отношению к самому себе. Однако эти качества не значатся в списке законов индустриальной демократии. Такую жатву можно собрать лишь с произведений искусства, в особенности — литературы. В то время как негативный потенциал человека проявляется в преступлении, потенциал добра проявляется в искусстве, сфере принципиально свободной от утилитаризма».

И еще: «Триумф над силами зла не превращает кого-либо в доброго человека автоматически. Если бы так было, на Земле давно был бы рай».

Потом, спустя пару недель, был замечательный фильм, который показало польское телевидение. Диалог на берегу озера между Анджеем Дравичем и Иосифом Бродским. Двое друзей, понимающих друг друга с полуслова, и потому еще более понятных зрителям, с тонким знанием беседовали о поэзии и прозе. О жизни, которая крепко перелопачивала их обоих, но которую они глубоко знали и очень любили. И не давали нам даже намека на то, что скоро они уйдут из нее, оставив память о честности и порядочности.

Валерий МАСТЕРОВ
Собственный корреспондент газеты
«Московские новости» в Варшаве

интереснейшей, наиболее человеческой своей стороны. В свою очередь, он сам был достойным представителем Польши, ее культуры, ее благородного духа в России, где у него было множество друзей среди самых достойных интеллектуалов.

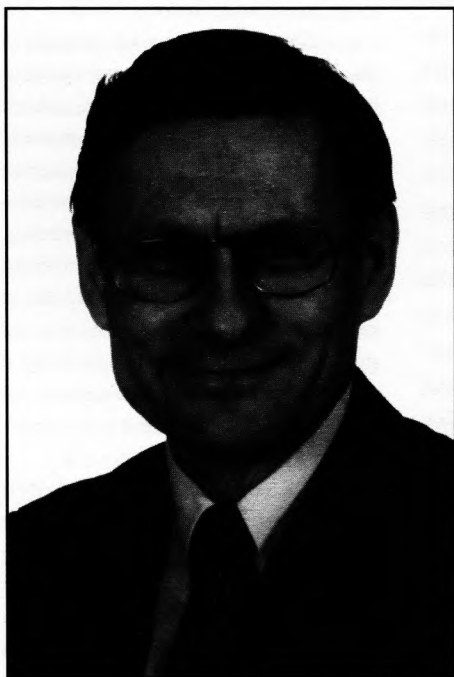
- Но вы наверняка знаете о том, что в последние годы в Польше его деятельность в целом оценивалась неоднозначно. Безусловно, эти оценки связаны с определенным изменением польского отношения к России, в особенности в период после обретения независимости в конце 80-х годов... Кое-кто не мог простить Дравичу его работу в правительстве Олексия в качестве советника по контактам с Россией ...

- Ну, то обстоятельство, что происходила какая-то полемика по проблеме контактов с Россией, и Дравич в ней участвовал, — это проявление нормальной интеллектуальной жизни. Кстати, эта полемика отражала и интерес поляков к России. А ведь раньше этого не было. Раньше поляки считали, что их страна — последний рубеж обороны перед ужасным диким Востоком. Теперь, мне кажется, в Польше по-новому понимают своих восточных соседей. Во многом это случилось благодаря Дравичу. Он сделал большое дело. ОН БЫЛ ПАРОМЩИКОМ...

Лешек Бальцерович

POLNISCHE WIRTSCHAFT?

Недавно мне довелось участвовать во встрече, связанной с весьма полезной инициативой Государственного агентства зарубежных инвестиций. Встреча проходила под девизом “Мегамарка Польши”. Инициатива была направлена на улучшение образа Польши в мире. В настоящем очерке мне хотелось бы представить некоторые свои соображения на данную тему.

Начну с очевидного. Несомненно, все мы согласимся с тем, что даже лучший специалист по рекламе не продаст товар, который, по общему мнению, плох. Это касается и рекламы Польши. Лучшая реклама любой страны, в том числе и Польши, — хорошее управление. Из этого, разумеется, не следует, будто нужно отказаться от других, традиционных элементов пропаганды. Однако ничто не заменит эффективного управления. Если бы в Польше была плохая экономическая политика, слабой была бы и экономика — тут уж не помогли бы никакие рекламные усилия.

Конечно, не следует сводить образ Польши к экономике, однако качество экономической политики — существенный элемент образа Польши в мире. Хорошая экономическая политика не падает как манна с неба. Будь оно так, все страны были бы богатыми. Но богаты не все. За хорошую экономическую политику надо бороться мирными средствами, противостоя разнообразнейшим ошибочным предложениям.

Вот один из самых известных последних рецептов, как в два счета достичь благосостояния: “разогреть” экономику, которая якобы “остывает”. “Разогрев” экономики, по мнению распространителей этого взгляда, приведет к тому, что все будут жить хорошо. Если бы мы сдались и приняли подобную рекомендацию, у Польши не было бы никаких надежд на доброе имя за границей. Легко, кстати, указать страны, пытавшиеся “разогреть” свою экономику: Украина, Белоруссия, Россия. Разве им удалось создать себе добрую репутацию?

Важный элемент пропаганды и вообще суть политической системы Польши — определить как можно более широкий круг важных проблем, которые будут решаться на основе консенсуса. А между тем среди депутатов Сейма в ходу слова: “Разбойничье право оппозиции — во всем мешать правительству”. И вот, что бы ни сделала оппозиция, все оправдано тем, что она — оппозиция. Это абсурд. В разных странах у оппозиции разный стиль: есть оппозиция деструктивная и оппозиция конструктивная. Для государств, проходящих стадию преобразований, важно, чтобы оппозиция была способна к сотрудничеству.

Если мы сумеем противостоять необдуманному проекту легкого достижения благосостояния и окажемся способны решать широкий круг проблем на основе консенсуса, мы сможем позаботиться и о профессиональной рекламе своей страны. Хорошей исходной точкой было бы составить список стереотипов, ослабляющих наш положительный образ, — чтобы создавать или упрочивать факты, опровергающие эти стереотипы. Иначе любая пропаганда бессильна. К таким стереотипам относится убеждение, что поляки не способны управлять, что они склочны, что где два поляка — там три мнения. Правда, не так давно я узнал, что точно так же говорят в Корее о корейцах, но это, пожалуй, небольшое утешение.

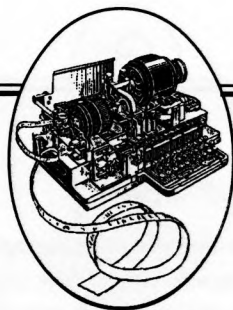
Другой распространенный стереотип — бесхозяйственность нашего народа. Говорят, что у Польши слабая экономика. В Германии до недавнего времени говорили „*Polnische Wirtschaft*“ [“польское хозяйство”], имея в виду польское разгильдяйство, бесхозяйственность. Однако я замечаю, что так говорят все реже. Лично мне как поляку это очень приятно. Ведь это происходит не потому, что у нас есть некая массированная пропагандистская программа, нацеленная на то, чтобы убедить немцев в том, что мы хозяйственный народ, а потому что мы чего-то добились и эти факты неопровержимы. Разумеется, такие факты надо умело демонстрировать.

Следующий стереотип — ненадежность. Я считаю, что чрезвычайно важно уметь держать слово. Сошлюсь на личный опыт. Так сложилось, что десять лет назад мне пришлось представлять в странах Запада первую польскую экономическую программу после восстановления независимости в 1989 г. Программа была очень краткой: что именно Польша намерена сделать, когда она это сделает и чего ожидает от Запада (главным образом — списания долгов). Первой реакцией наших партнеров был вежливый скептицизм — далеко идущее неверие в то, что поляки смогут это осуществить. Помню, как скептицизм отступал по мере того, как Польша выполняла свои обещания и сама менялась. Это был незаменимый капитал — то, что в собственных интересах мы способны делать вещи, которые считаются весьма трудными, то, что мы не тратим слов напрасно, а уж если что пообещаем — слово сдержим.

Стереотипны и утверждения, будто поляки быстро выдыхаются, будто мы хороши в бою, но не в систематической деятельности. Однако факт остается фактом — Польша уже десять лет идет по пути реформ. Развиваемся мы с разными отклонениями от общей линии, порой сбавляем темп, и все же мы — единственная постсоциалистическая страна, которая в ходе преобразований не впала в макроэкономический кризис. Этот капитал нельзя растрачивать. Мы не можем позволить, чтобы захирела экономическая политика, а в результате — и экономика.

Преодолеть стереотипы нелегко. Выше я привел некоторые из них и факты, позволившие нам их ослабить. Самое важное для образа Польши — закрепить эти факты и суметь их подать.

В заключение добавлю: стереотипы надо ломать делами, поданными надлежащим образом, и не только в экономике. Важные задачи стоят перед такими областями, как спорт и культура. Полагаю, что образ Польши в мире стал бы привлекательней в случае успеха польского футбола и польских легкоатлетов на приближающихся Олимпийских играх в Сиднее. В свою очередь, культура должна сыграть важную роль там, где по разным причинам возникают политические трения, — к примеру, в польско-российских отношениях. Напряжение следует снимать.

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

✂ В 1000-летие гнезненской встречи императора Оттона III с королем Болеславом Храбрым там же, в Гнезне, встретились президенты Венгрии, Германии, Литвы, Польши и Словакии. Президенты единодушно подтвердили, что Европа представляет собой не только экономическое, но и духовное сообщество. По мнению президента ФРГ следует, однако, искать новую концепцию сообщества, учитывая диалог различных культур и религий и не ограничиваясь лишь христианскими ценностями. Затем президенты съели на обед пирамидку из судака, суп из спаржи, телячье филе и фруктовый пирог. (*"Газета wyborcza"*, 13 марта)

✂ Польско-украинское заявление об экспертной и учебной помощи в проведении экономических и административных реформ подписали заместители премьер-министров двух стран Юрий Ехануров и Лешек Бальцерович. Польша будет оказывать Украине помощь в проведении реформ государственных финансов и налоговой системы, в приватизации, в реформах пенсионной системы и системы социального страхования, в реструктуризации горнодобывающей промышленности, а также в проведении реформы правительственной администрации и органов местного самоуправления. Помощь будет производиться за счет Польши. (*"Газета wyborcza"*, 24 марта)

✂ Польшу особенно тревожит, что Кремль вновь старается подчинить России Украину, в частности путем передачи российскому капиталу (в счет государственной задолженности) акций стратегически важных предприятий", — пишет Енджей Белецкий в корреспонденции из Брюсселя. (*"Жечпосполита"*, 9 марта)

✂ В план реформы Всемирного банка, представленный Конгрессу США, включено прекращение кредитов странам, где валовой национальный продукт в пересчете на одного жителя превосходит 4 тыс. долларов, — следовательно, и Польше. По мнению заместителя премьер-министра, министра финансов Лешка Бальцеровича, "нам надо радоваться, что мы оказались в группе богатых стран". (*"Газета wyborcza"*, 9 марта)

✂ "Чем выше обезьяна взбирается на дерево, тем больше оголяет задницу", — сказал кандидат на пост президента, бывший министр иностранных дел Анджей Олевский. (*"Впрост"*, 5 марта)

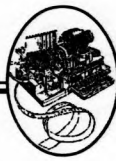
✂ Спрос зарубежных инвесторов на польские еврооблигации оказался в пять раз выше предложения. Министерство финансов увеличило эмиссию с планировавшихся 400 до 600 млн. евро. (*"Газета wyborcza"*, 8 марта)

✂ По данным правительственного Центра стратегических исследований, внешнеторговая задолженность польских предприятий за первые три квартала 1999 г. составила 22 млрд. долл., а к концу года возросла до 25 млрд. Четыре года назад задолженность составляла 8,6 млрд. Валютные резервы Польши оцениваются в 26 млрд. долл. (*"Газета wyborcza"*, 25-26 марта)

✂ По мнению Тадеуша Мазовецкого, главы первого некоммунистического правительства (1989-1990), "величайшее несчастье польской демократии заключается в отходе от понимания политики как служения общему благу. Вместо этого политические партии воюют друг с другом топорами и вырубают себе куски этого блага, присваивая их. Отсюда — своекорыстие, коррупция, кумовство, партийный характер государства". (*"Тыгодник повшехны"*, 26 марта)

✂ Из коммюнике 303-го пленарного заседания Епископской конференции Польши: "Польские епископы (...) обращают внимание на то, что общее благо — задача всех и каждого (...) Одновременно они напоминают, что смысл существования политической власти заключается в заботе об общем благе, а использование структур общественной жизни, в особенности же — государственных учреждений, ради индивидуальной или групповой выгоды противоречит правильно понимаемой политике (...) Отсутствие ощущения безопасности, коррупция властей и умножение несправедливых источников обогащения (...) входят в число главных препятствий экономическому порядку и развитию". (*"Тыгодник повшехны"*, 11-12 марта)

✂ Из последнего доклада Всемирного банка явствует, что Польша пронизана коррупцией. "Хуже всего в верхах власти. Больше всего случаев злоупотребления общественным доверием наблюдается в центральных государственных органах, судах и исполнительных органах, вплоть до органов местного самоуправления". (*"Жечпосполита"*, 22 марта)

✂ “Неформальный медицинский прейскурант, т.е. прейскурант взяток: сведения о состоянии здоровья пациента — 100-200 зл.; частный визит, обеспечивающий госпитализацию, — 50-200; простая операция (миндалин, грыжи) — 500-600; сложная операция (простаты, почек, мочевого пузыря, злокачественной опухоли) — 1000-2500; ортопедические меры, связанные с длительной госпитализацией, — 1000-8000; прием родов — 1000-2000; ускорение родов — 800-2000”. (*“Впрост”*, 5 марта)

✂ По данным Лаборатории общественных опросов, в опросах общественного мнения о польских государственных и общественных организациях больше всего отрицательных оценок получили: органы здравоохранения — 81%, правительство — 67, Сейм — 65, Соцстрах — 63, суды — 58. Больше всего положительных: Польское радио — 86%, пожарная охрана — 83, государственное телевидение — 77, президент — 69, Римско-католическая Церковь — 60. (*“Жечпосполита”*, 30 марта)

✂ Главный административный суд вынес постановление, согласно которому ревизионная комиссия, проверяющая работу органов самоуправления по поручению местной общины, имеет право засекретить свои протоколы от членов этой общины. Проф. Ежи Регульский, бывший сенатор, автор реформы территориального самоуправления, предложил обратиться с апелляцией в Европейский суд по правам человека в Страсбурге.

✂ “Молодежь, по мнению торговцев и полиции, вообще уже не видит разницы между своим, чужим и краденым (...) Каждый, кто покупает что-то за полцены, знает, почему это так дешево (...). Тысячи людей продают за сниженную цену свою честность, становясь соучастниками краж. Многие, в т.ч. депутаты, считают само собой разумеющимся дать взятку полицейскому, чтобы не платить крупного штрафа, или чиновнику, чтобы ускорить дело”. (*“Жечпосполита”*, 24 марта)

✂ Число иностранцев, легально работающих в Польше, составляет около 17 тысяч. Оценочное число иностранцев, работающих нелегально, — около 200 тысяч. “Недавно одна гмина под Плоцком организовала общественные работы, чтобы дать заработок местным безработным. Безработные согласились и тут же перепродали свою работу пришельцам с востока за полставки. Уселись перед магазином, пили пиво и глядели, как гастарбайтеры чинят за них тротуары”. (*“Жечпосполита”*, 25-26 марта)

✂ Потери польской металлургической промышленности в 1999 г. были почти в 5 раз больше, чем в 1998-м. (*“Жечпосполита”*, 1 марта)

✂ “Чрезмерный ввоз китайских утюгов ухудшает положение польских производителей”. (*“Жечпосполита”*, 9 марта)

✂ Польша занимает ведущее место в продукции амфетамина высшего качества, экспортируемого в Россию, Прибалтику, скандинавские страны, Германию, Чехию, Словакию, Италию и Великобританию. (*“Жечпосполита”*, 2 марта)

✂ 81% поляков предпочитают покупать продовольственные продукты польского производства, но, покупая одежду и бытовую технику, чаще выбирают импортные. (*“Впрост”*, 2 апреля)

✂ Некоторые проекты, финансируемые государственным Комитетом научных исследований: “Применение современных методов контроля с целью сохранения ароматно-вкусового профиля пива”; “Чипсы из яблок по безжировой методике”; “Мороженые десерты специального употребления”; “Разработка и проведение в жизнь освоения кисломолочной сыворотки и воды для производства творога “Коттедж чиз””. (*“Впрост”*, 2 апреля)

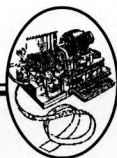
✂ В апреле в Польше вступит в силу распоряжение помечать особыми знаками продовольствие, полученное из животных и растений, подвергнутое генетическим модификациям. (*“Впрост”*, 2 апреля)

✂ “Имея в запасе сухие дрожжи с эмульгатором, улучшителем вкуса и т.п., хлеб можно выпечь даже из опилок”. В одной буханке хлеба можно обнаружить: сернокислый кальций в качестве стабилизатора, сложный эфир ацетоуксусной кислоты в качестве эмульгатора. Соли натрия, калия и кальция препятствуют прилипанию теста к стенкам хлебопекарного оборудования. Ароматизирующее средство цистеин придает такой выпечке запах настоящего хлеба. (*“Жечпосполита”*, 28 марта)

✂ 7256 инвесторов были вынуждены разобрать здания, построенные без разрешения. (*“Газета wyborcza”*, 23 марта)

✂ Епископат Польши отрицательно отнесся к предложению провести референдум по вопросу приватизации, так как это сделало бы предметом дискуссии заповедь “Не укради”. “Церковь подчеркивает общий принцип: награбленное имущество должно быть возвращено, и голосовать по этому поводу не следует”, — сказал епископ Тадеуш Перонек. (*“Газета wyborcza”*, 10 марта)

✂ Во время демонстрации перед польским консульством в Нью-Йорке евреи требовали возвращения имущества, утраченного ими в Польше после войны. “Позор, что нам приходится стоять на улице и требовать справедливости, когда Польша уже стала демократической страной. Но Польша

явно не хочет воспользоваться возможностью произвести честный расчет с прошлым», — сказал Дов Хайкинд, член законодательного собрания штата Нью-Йорк. (*“Жечпослолита”, 13 марта*)

✂ Власти Лодзи нашли аргумент, чтобы не возвращать территорию, на которой стояла синагога: в 1887 г. Александр III не позволил зарегистрировать объединение членов синагоги. (*“Впрост”, 2 апреля*)

✂ 5 марта в Йемене похитители освободили посла Польши Кшиштофа Супроновича, похищенного несколькими днями раньше.

✂ 1 марта российские спецслужбы нашли и освободили двух полек: проф. Зофью Фишер-Малыновскую и Эву Мархвинскую-Вырвал, — похищенных в августе 1999 в Дагестане, где они находились в научной экспедиции, и содержавшихся все это время в Чечне. В аэропорту “Внуково” польки поблагодарили “за спасение жизни” замминистра внутренних дел РФ Владимира Козлова. Польские власти передали особую благодарность властям Российской Федерации.

✂ Из рассказа Эвы Мархвинской-Вырвал: “Нас искали три человека из управления по борьбе с организованной преступностью (ГУБОП) российского МВД (...) По ним тоже было видно, что они страшно устали. Среди них был мужчина, который 16 часов подряд искал нас в горах, под таким же обстрелом, как и все (...) Скажу одно: этим русским я необычайно благодарна. Я впервые почувствовала себя в безопасности”. (*“Жечпослолита”, 6 марта*)

• 79% поляков — за осуждение преступлений российских военнослужащих против гражданского населения в Чечне. В то же время 77% опрошенных считают вторжение на территорию российского консульства в Познани и топтание российского флага недопустимым поступком. (*Опрос “Пентора”, “Впрост”, 5 марта*).

• Два увольнения с занимаемых должностей и 12 возбужденных дисциплинарных дел в познанской полиции последовали в результате недостаточной охраны российского консульства в Познани во время демонстрации 23 февраля. Пятерым участникам демонстрации прокуратура предъявила обвинения в надругательстве над флагом и нанесении имущественного ущерба. Срок наказания по этим обвинениям — от трех месяцев до пяти лет. (*“Жечпослолита”, 29 февраля и 1 марта*).

✂ Посол РФ в Польше Сергей Разов вернулся в Варшаву. Однако, по словам одного сотрудника российского МИДа, “это не означает удовлетворенности настоящим состоянием польско-российских отношений”. (*ПАП*)

✂ “Хороший поляк — Дзержинский, польский шут — Квасневский”, “Сталин — Молотов — Риббентроп”, “Польшу — в Россию”, “Варшава — российский город”. Все это скандировали перед польским посольством в Москве члены Национал-большевистской партии. (*“Жечпослолита”, 8 марта*)

✂ Участие в НАТО одобряют 63% поляков. Уверенность в том, что НАТО — гарант независимости Польши, выражают 56% опрошенных; что членство в НАТО укрепляет позиции страны на международной арене — 60%; что справедливо будет принять в НАТО другие страны Центральной и Восточной Европы — свыше 50%. (*По данным ЦИОМа, “Жечпослолита”, 21 марта*)

✂ Польша обладает самым крупным в НАТО музыкальным потенциалом. 800 солдат играют в 30 духовых оркестрах. Попытки сократить этот потенциал столкнулись с сильным противодействием. (*“Газета wyborcza”, 28 марта*)

✂ В докладе варшавского Центра восточных исследований говорится, что переход власти к Путину и война в Чечне затормозили распад государства и укрепили позиции Кремля. Зато Польшу Россия стала рассматривать как “мальчика для битья” и “самого зловредного члена НАТО”.

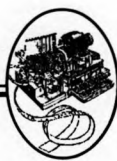
✂ Комментарии после президентских выборов в России. (*“Газета wyborcza”, 28 марта*)

Бронислав Геремек: “Путин, как я полагаю, обещает вывести Россию из состояния взвихренности, беспокойства, непредсказуемости, укрепить государство и экономику”.

Ян Новак-Езёранский: Путин “будет стараться противодействовать дальнейшему расширению НАТО, пуская в ход дипломатию и т.н. специальные операции, т.е. провокации, фальшивки и агентурную работу. Я опасюсь, что главной целью тут станет Польша. На примере Польши Путин постарается показать, что первый этап расширения НАТО неудачен, а значит, нужно отказаться от следующего”.

✂ Министр-координатор спецслужб Януш Палубицкий пригрозил, что если Россия не прекратит интенсивной шпионской деятельности в Польше, то против этого будут приняты дополнительные (после недавней высылки российских дипломатов) меры. Желая смягчить впечатление от слов Палубицкого, министр иностранных дел Бронислав Геремек заявил: “Мы нуждаемся в хороших отношениях с Россией и должны этого добиться, а щекотливые вопросы будем решать разумно, чтобы не вызвать конфликтных ситуаций”. (*“Жечпослолита”, 31 марта*)

✂ Владислав Бартошевский, бывший министр иностранных дел: “Отношение наших граждан к рус-

ским вовсе не плохое — оно гораздо лучше, чем можно было бы ожидать после столь долгого периода господства. Я пожелал бы ирландцам так же хорошо относиться к англичанам”. (*“Впрост”*, 19 марта)

✂ Чеслав Белецкий, председатель комиссии иностранных дел Сейма: “Можно сказать, что польско-русские отношения больше всего пострадали из-за отсутствия диалогов при избытке монологов. Думаю, что еще хуже выглядят польско-польские отношения”. (*“Впрост”*, 12 марта)

✂ Президент Александр Квасневский пригласил президента Владимира Путина посетить Польшу с официальным визитом. (*“Жечпосполита”*, 20 марта)

✂ Ян Новак-Езёранский: “На русских можно смотреть двояко: как на катынских палачей или как на братьев по несчастью, жертв той же бесчеловечной системы. Ибо останки уничтоженных по приказу Сталина русских смешаны или соседствуют со рвами, где зарывали поляков. Если мы желаем себе и людям, вне зависимости от их национальной принадлежности, лучшего будущего, то мы должны оказывать тем, кто борется за это лучшее лицо России, наше уважение, поддержку, благодарность и память”. (*“Газета wyborча”*, 4-5 марта)

✂ От имени президента Польской Республики польский посол в Москве Анджей Залуцкий вручил офицерские и кавалерские кресты ордена Возрождения Польши группе русских полонистов. Среди награжденных — Леонард Бухов, Асар Эпель, Ксения Старосельская, Зинаида Шаталова, Наталья Астафьева, Владимир Британишский, Ирина и Константин Щербаковы и др. (*“Газета wyborча”*, 3 марта)

✂ 400-страничный словарь-справочник “Кто есть кто в России после 1917 года”, составленный Гжегожем Пшебиндой и Юзефом Смагой, вышел в краковском издательстве “Знак”.

✂ Гжегож Пшебинда: “Что (...) победит: геополитическая “русская идея”, гарантирующая нищету гражданам федерации и устрашающая их соседей, или взгляды второго поколения реформаторов?” (*“Тыгодник повшехны”*, 12 марта)

✂ О Троице-Сергиевой лавре: “Среди больших построек обращает на себя внимание маленькая часовенка “У источника” (...). Часовню построили возле источника, открытого монахами во время осады лавры польскими войсками. Поблизости можно прочитать надпись на доске: “Три заразы: тиф, татары, поляки””. Рядом с репортажем сообщается: “Музей открыт с 10 до 17.30, вход для иностранных туристов — около 10 долл., для русских — в несколько раз ниже (...) однако может помочь

хорошее знание русского языка”. (*“Газета wyborча”*, 11-12 марта)

✂ Бывший начальник отдела следственного управления госбезопасности в Ополе приговорен к году тюрьмы условно за истязания Мирослава О., обвиненного в 1953 г., в частности, в том, что он слушал радио “Свободная Европа”.

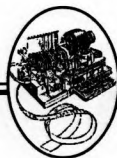
✂ Ян Новак-Езёранский: “В суд постоянно передаются дела против Ярузельского и Кищака. Но никто еще (...) не обратился в прокуратуру с ходатайством возбудить дело против таких людей, как Стефан Ольшовский, Тадеуш Грабский, Станислав Котёлек, Анджей Жабинский (...) Они тайно обращались в Москву, Берлин и Прагу с просьбами ввести в Польшу советские войска, чтобы не только уничтожить элиту общества, какой была тогда “Солидарность”, но и сменить партийно-правительственную верхушку и взять власть в свои руки. Это была государственная измена, вполне доказанная документами, оглашенными в Берлине, Праге и Москве”. (*“Жечпосполита”*, 18-19 марта)

✂ Петр Глас, торговый агент из Люблина: “Людей упрекают в том, что они записывались в ПОРП. Но теперь только партии переменялись. Люди — все те же”. (*“Газета wyborча”*, 22 марта)

✂ Надпись “Jude gaus”, шестиконечную звезду и свастику нарисовали в Лодзи на доме Марека Эдельмана, последнего оставшегося в живых руководителя восстания в Варшавском гетто (1943). Три года назад Марек Эдельмана избили неизвестные преступники. (*“Газета wyborча”*, 22 марта)

✂ Марек Эдельман: “Фашисты начинают с надписей “Не покупай у еврея”, а дальше — известно что. Это атака на Польшу, на демократический строй. Правительство ничего не делает, чтобы бороться с такими вещами”. (*“Газета wyborча”*, 23 марта)

✂ Из письма проф. Яна Карского Мареку Эдельману: “Поляки пишут на твоём доме: “Raus”. Поляки говорят тебе: “Проваливай”. Тебе, одному из самых достойных поляков, каких я знаю (...) Я с горечью констатирую: в Третьей Речи Посполитой господствует атмосфера терпимости и дозволенности по отношению к антисемитизму. И пусть никто не говорит мне, что это не так (...) Польша обязана, наконец, сдать свой экзамен по цивилизации и ответить на вопрос, как она справляется со своей внутренней ненавистью, прежде чем заниматься Хайдером в Австрии. То, что с тобой случилось, дорогой доктор, наполняет меня отвращением и презрением к тем, кто это сделал; недоумением по поводу беспомощности польских властей; чувством истинного участия в твоей бо-

ли. Ты прав, говоря: “Сегодня пишут — завтра будут убивать”. Помешает ли им кто-нибудь?” (“Газета wyborcza”, 25-26 марта)

✳ Стефан Братковский: “Неважно, существовала ли договоренность о паузе в литургии [сделанной Папой Иоанном Павлом II в Вифлееме], чтобы муэдзин, священник иной религии, мог пропеть свой призыв на молитву, или эта пауза была импровизированной. Она была гениальной и сжато выражала идею уважения к чужим чувствам, к чужой самобытности”. (“Жечпосполита”, 1-2 апреля)

✳ Авраам Бург, председатель Кнессета, сказал во время пребывания Иоанна Павла II в Израиле: “Наши раввины могли бы поучиться у Иоанна Павла II, как быть выше религиозных разделений”. (“Жечпосполита”, 27 марта)

✳ Сейм утвердил закон о Христианской богословской академии в Варшаве. На трех отделениях ХБА: евангелическом, православном и старокатолическом — учатся 1138 человек. (“Жечпосполита”, 17 марта)

✳ Президент Александр Квасневский отказался подписать закон о полном запрете на распространение порнографии. В своем обосновании он, в частности, написал: “Полный запрет распространения порнографических текстов и изображений был замечен в общественной жизни только до 1989 г., когда коммунистический строй не давал гражданам доступа к свободным средствам массовой информации”. (“Жечпосполита”, 28 марта)

✳ В краковскую прокуратуру подана жалоба по делу о распространении порнографии. Жалобу подала одна школа, где школьник в сочинении на тему “Описать в произвольной форме предмет своей влюбленности” описал себя с учительницей. (“Газета wyborcza”, 9 марта)

✳ Самый большой конкурс среди абитуриентов в 1999 г. был на отделения и факультеты психологии — больше 10 человек на место. За психологией идет специальность “финансы и банковское дело” — свыше шестерых на место. (“Газета wyborcza”, 8 марта)

✳ Проф. Анджей Семашко, директор Института правосудия: “Польская полиция ничего не знает о трех четвертях фактически совершаемых преступлений (...) Преступников уже почти и не ловят. Даже когда удается поймать, их не сразу берут под стражу. Когда они попадают под суд, то, как правило, получают условные сроки. А уж если какой неудачник и попадет за решетку, то вскоре получает условно-досрочное освобождение (...). От начала дознания до вынесения имеющего законную

силу приговора проходит несколько лет”. (“Жечпосполита”, 3 марта)

✳ В окружном суде в Варшаве идет процесс по иску Рышарда Бадовского к Яцеку Палкевичу о приоритете в открытии истоков Амазонки. (“Жечпосполита”, 11-12 марта)

✳ “Я не откажусь от решения о расширении Беловежского заповедника, — заявил министр охраны природы Антоний Токарчук жителям деревень в Беловежской пуще. Толпа разъярилась, на министра градом посыпались яйца. — Надеюсь, — продолжал министр, — что яйца разбиты на мне конструктивно и что через 10-15 лет меня здесь будут встречать иначе”. (“Жечпосполита”, 15 марта)

✳ Мартин Рышкевич из Музея Земли Польской Академии наук: “Уничтожение нашего наследия (культурного и природного) — это почти видовая черта человека”. (“Газета wyborcza”, 29 февр.)

✳ 14 марта в Варшаве сбежали из цирка три тигра. Двоих работники цирка сумели вновь загнать в клетки. На третьего охотилась толпа с вилами и дубинками. Тигр был застрелен вместе с ветеринаром, который пытался ему помочь. “Врач безответно, но до самого конца охранял зверя от смерти (...) Два героя античной трагедии — замечательный доктор и его тигр. А остальные актеры этого редкостного спектакля — дураки или статисты (...) Никто не думал ни о чем другом, кроме как убить”, — написал проф. Лех Фаландыш. (“Впрост”, 26 марта)

✳ По новому закону об оружии и боеприпасах, вступившему в силу 20 марта, сроком до восьми лет тюрьмы карается владение деревянными дубинками и их продажа без особого разрешения. Это предписание введено в результате растущего числа убийств, совершенных молодыми людьми при помощи дубинок.

✳ Съёмочная группа “Впрост ТВ” обнаружила художника, который рассматривает обработанную человеческую кожу и кости скелета как материал для скульптуры и других пространственных форм. (“Впрост”, 12 марта)

✳ “Наша кожа нуждается в глубоком увлажнении. Она становится сухой, как перец, если мы слишком долго работаем за компьютером (...) Врачи-дерматологи из парижской “Научной академии красоты” предлагают изжаждавшейся коже для увлажнения омовения, имеющего тройное действие, оригинальную яблочную воду”. (“Жечпосполита”, 18-19 марта)

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ПОЛЬШЕ — НЕ НАСЛЕДИЕ РАЗДЕЛОВ

Митрополит Варшавский и вся Польши Савва отвечает на вопросы нашего журнала

— Ваше Святейшество, можете ли вы отметить какие-либо позитивные перемены в отношениях между католицизмом и православием в Польше после 1989 года? Когда было лучше — при коммунизме или теперь?

— Церковь призвана к жизни Самим Богом и Спасителем нашим Иисусом Христом. От Него она получила всё, что необходимо ей для правильной деятельности и спасения верующих. Существование ее, таким образом, зависит не от политических обстоятельств, в которых ей приходится действовать, а от того, в какой мере она выполняет возложенную на нее Христом миссию. Эта миссия состоит, в частности, и в том, чтобы призывать верующих к мирному, исполненному любви и терпимости общежитию со всеми людьми, независимо от их взглядов и убеждений. Поэтому и отношения между вероисповеданиями и Церквями определяются не преобразованиями и революциями, а духовным состоянием людей. Не тем, правят ли нами коммунисты или демократы, а тем, насколько мы следуем заповедям Божиим. Поэтому мы и не усматриваем непосредственного влияния общественного перелома 1989 года на отношения между нашими Церквями. Это, однако, не означает, что положение вообще не изменилось. Политические перемены, как правило, ведут к переменам социально-экономическим. А это, в свою очередь, сильно влияет на подход людей к окружающему миру, меняет их взгляды и, что еще хуже, порождает ложные стереотипы. В условиях обнищания, нарастающей нервозности, постоянного разжигания взаимных нападок политических группировок и национальных групп, а также общих тенденций к изоляции личности легко формируются основы национально-религиозного фанатизма.

Таким образом, можно констатировать, что после перелома 1989 года отношение Православной Церкви к своей сестре — Римско-католической Церкви не претерпело изменений. Перемены эти никак не повлияли на отношения наших Церквей. Не заметили мы и какого-либо радикального ухудшения отношения братьев-католиков к нам (если не считать отдельных конкретных лиц и групп).

— Связаны ли чем-то, и если да, то чем, католики и православные в Польше? Связаны ли чем-то, и если да, то чем, религиозные конфликты с национальными?

— Я не совсем понял первую часть вопроса, это как-то странно сформулировано. Связаны ли чем-то католики и православные? Несомненно. Мы — одна христианская семья, равноценные

ПОЛЬСКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ

Польская автокефальная Православная Церковь ведет свое происхождение издревле, еще с X века. Кирилло-Мефодиевское славянское богослужение было широко распространено на польских землях задолго до того, как князь Мешко в 966 г. крестил Польшу.

В настоящее время Церковь насчитывает около 800 тыс. верующих — главным образом в северо-восточной и юго-восточной Польше. Небольшие группы православных рассеяны по всей стране. На территории Польши действует около 350 приходов, подчиненных шести епархиям: Варшавской и Бельской, Белостокской и Гданьской, Лодзинской и Познанской, Перемышльской и Новосончской, Вроцлавской и Щецинской, Люблинской и Хелмской.

Православное духовенство насчитывает около 400

дети Отца Небесного. Чем мы связаны? Да тем же, что и любая семья. Любовью и радостью. Богатством общего Евангелия. Горем и слезами исторических ошибок. Трудностями и запутанностью современной жизни. Мы связаны и объединены всем, из чего состоит жизнь современного христианина. А главное — Господом нашим Иисусом Христом.

Что касается национальных дел, то это очень тонкая материя. Национальная принадлежность проникает в самые сокровенные глубины человеческого «я» почти так же глубоко, как вера. Ею определяется наше самосознание и наше место на земле: кто я, и где мой дом? Всякое необдуманное вмешательство в эту сферу (даже без злого умысла) способно принести много горечи и взаимного непонимания. К сожалению, в нашей стране, как и во всей Европе, на это обращают очень мало внимания. Крайне редко, прежде чем осудить человека, мы пытаемся понять мотивы его действий. Мы вторгаемся в эту сокровенную область человеческого существа, не располагая необходимыми знаниями. Хуже того, мы зачастую не различаем, где кончается национальная принадлежность и начинается религиозная. Мы необдуманно подменяем конфессиональную принадлежность национальной и наоборот, что приводит лишь к обострению конфликтов и к тому, что нападки на свою веру нация воспринимает как нападки на самое себя, а то, что направлено против нации, — как направленное против веры.

Теоретически национальные конфликты не должны отражаться на состоянии религиозных взаимоотношений. На практике, однако, из-за частого использования межконфессиональных разногласий в политических и национальных интригах они оказываются неразрывно связанными. А каждый из этих конфликтов, религиозный или национальный, в той или иной степени неизбежно приводит к смуте в «соседней области».

— *С достаточным ли, на ваш взгляд, пониманием относится католическое духовенство (иерархи и рядовые священники) к поучениям Папы Иоанна Павла II о необходимости взаимопонимания между католиками и православными?*

— Да. Я вижу, что это встретило понимание. Истины о взаимоотношениях людей на основе любви и терпимости содержатся в словах Самого Спасителя. Утверждать, что католические иерархи этого не понимают, значило бы заявить, что они не понимают Евангелия.

Проблема, однако, в другом. Понимать — еще не значит применять и исполнять на практике. А с этим, увы, дело обстоит гораздо хуже. Многие все еще не могут принять эти истины сердцем. Не забудем, что пример идет сверху: если епископ не являет собой образца практического экуменизма, то чего можно требовать от подчиненных ему священников?

Даже если они попытаются действовать в экуменическом духе самостоятельно, то без поддержки епископа (а тем более при его сопротивлении) их возможности будут крайне ограниченными. Рядовой священник сеет зерна экуменизма или фанатизма всего в одном приходе. А епископ даже самой малой епархии сеет их в десятках приходов.

Сегодня уже прозвучали слова Папы о примирении. Теперь нужно, чтобы их проводил в жизнь епископат, а завтра они воплотятся в действительность приходской жизни. Однако сейчас я не вижу, чтобы в нашей стране было много примеров такого практического восприятия призыва Папы Иоанна Павла II к примирению. И все же надеюсь, что отдельные случаи искреннего экуменического сотрудничества предвещают общую тенденцию, обещают сделать экуменизм реальностью.

— Если конфликты все-таки возникают, то каковы, на ваш взгляд, пути к взаимопониманию и разрешению конфликтов?

— Конфликты рождаются там, где любовь уступила место гордыне. Самые мудрые советы и самые лучшие решения ничего не дадут, покуда мы не избавимся от эгоизма. Поэтому первый шаг на пути примирения — покаянная молитва о ниспослании смирения и дара любви. Только во власти этих чувств мы можем приступить к диалогу. Дискуссия по существу с участием специалистов, на основе широкого историко-богословского кругозора и при искренней готовности к примирению — второй этап сближения. Важно приступить к диалогу без предубеждений и с готовностью пойти на уступки там, где это не затрагивает самых основ веры. Подчеркиваю: искренний разговор по существу.

Другого пути к примирению нет. Уяснив, что нас разделяет, мы сможем сотрудничать в том, что нас объединяет, а это лучший способ предотвратить новые конфликты.

— Чем закончился конфликт вокруг монастыря в Супрасле? Помогала ли православным в деле восстановления церкви на Грабарке католическая администрация?

— Решением государственных властей монастырская собственность была возвращена своему законному владельцу — Православной Церкви. Конфликт, внесший смуту в межконфессиональные отношения в Белостокском воеводстве, лишился оснований. Увы, оказалось, что диавол не дремлет. Он всегда подстрекает нас к ссоре. Рядом с монастырскими зданиями, на которые принято решение не распространяется, находится катакомбное монастырское кладбище. Пока оно было запущенным, что неоднократно приводило к его осквернению, никто на него не претендовал. Монахи постепенно стали приводить его в порядок. Никто не возражал и против этого.

священников. Полтора-два десятка священников ведут пастырское окормление в армии: во главе их стоит полевой епископ Мирон в звании бригадного генерала. Будущие священники обучаются в пяти средних и высших учебных заведениях, среди которых выделяются Христианская богословская академия в Варшаве и кафедра православного богословия в Белостоцком университете. В Гайнувке (северо-восток страны) работает школа псаломщиков и регентов церковных хоров.

В Польше действуют три мужских и три женских православных монастыря. Они находятся в святых местах польского православия: на священной горе Грабарке, в Супрасле и Яблэчне.

С 1991 г. статус Польской автокефальной Православной Церкви регулирует принятый Сеймом закон, создавший возможность пастырского окормления в армии и катехизации детей и молодежи в государственных и частных школах.

Но когда частично обрушился свод катакомб и православные обратились с ходатайством о передаче им кладбища (чтобы на законных основаниях произвести капитальный ремонт исторического памятника), то этому решительно воспротивился местный римско-католический приход. Получается, что конфликт в Супрасле не закончился, а лишь на время притих. К общему прискорбию, потому что катакомбы, не имея законного владельца, продолжают разрушаться.

Столь же печальны и воспоминания, связанные с восстановлением церкви на Грабарке. Эта наша святыня была полностью уничтожена. Нам выражали сочувствие, но никто не спешил помочь. Восстановили ее мы сами при поддержке отдельных верующих из других Церквей, в том числе и римо-католиков.

— Как вы оцениваете, Владыка, отношение папы Иоанна Павла II к православию и православным?

— На основании выступлений, окружных и иных посланий Папы Иоанна Павла II я с удовлетворением констатирую, что он все чаще старается склонить верующих своей Церкви к практическому взаимодействию и совместной христианской жизни с братьями-православными. Это очень нас радует. Хотелось бы только надеяться, что его слова не останутся без отклика. Я уже подчеркивал, что с претворением в жизнь папских призывов дело пока обстоит не лучшим образом. И все же мы рассчитываем, что личный пример Папы Иоанна Павла II будет находить все более многочисленных последователей.

— Каковы ваши отношения с униатским духовенством?

— Существование самостоятельной Церкви определяется спецификой ее догматики. Различия в обрядах не приводят к возникновению новых Церквей. Вследствие этого существуют православные Церкви, которые отличаются друг от друга языком и строем богослужения, календарем, одеяниями священнослужителей и т.п. Поэтому греко-католики — не отдельная Церковь, а часть Римско-католической Церкви, придерживающаяся восточного обряда. Их иерархов мы воспринимаем как часть римско-католического духовенства и как с таковыми готовы вести с ними диалог. И пытались его вести. Так, в рамках общей православно-католической комиссии мы принимали даже такие важные решения, как упорядочение прав владения храмами, построенными не теми Церквями, которые располагают ими в настоящее время. К сожалению, греко-католики не признают договоренностей, согласованных нами с епископатом Польши. Более того, они развернули среди наших православных чрезвычайно интенсивную миссионерскую деятельность, что, понятно, не способствует нашему с ними сотрудничеству. Таким образом, на официальном уровне мы не поддерживаем никаких контактов с униатским духовенством. Сотрудничество станет возможно только тогда, когда они определят свой церковный статус в согласии с каноническим правом.

— Какие у вас отношения с другими автокефальными Церквями и со Вселенским Патриархом Варфоломеем I?

— Польская автокефальная Православная Церковь поддерживает живые и дружеские связи со всеми независимыми и каноническими православными Церквями. Об этом свидетельствовало присутствие представителей поместных Церквей на церемонии моего вступления в сан митрополита в Варшаве в 1998 году. наших представителей приглашают на всеправославные встречи. Подтверждением дружественности наших отношений служат и прибывающие к нам делегации братских Церквей. Уже дважды за короткое время мы принимали у себя почетного предстоятеля всемирного православия — архиепископа Константинопольского, Вселенского Патриарха Варфоломея. Это, пожалуй, лучшее свидетельство его отношения к нашей Церкви (немногие из славянских православных Церквей могут похвалиться таким вниманием Патриарха). Побывали у нас делегации Греческой и Сербской Церквей (сербы — в рамках прошлогодних «Европейских встреч молодежи»). В ближайшее время мы ожидаем делегаций Румынского, Александрийского и Московского Патриархатов. О степени доверия к нашей Церкви говорит и то, что

«Синдесмос» (всемирную организацию православной молодежи) возглавляет ныне представитель Польши.

Польская Православная Церковь сотрудничает с другими Церквями во многих областях. Наши представители деятельно участвуют в комиссиях по подготовке православного Вселенского собора. Мы активно занимаемся обменом молодежью — студентами богословских учебных заведений (с Россией, Грецией, Францией, Румынией, Швейцарией и даже США) и членами церковных организаций. Мы заседаем также в чрезвычайных комиссиях по ликвидации конфликтов и восстановлению внутрицерковного мира и порядка.

— *Что дали, по вашему мнению, как православным, так и католикам посещения Польши Патриархом Варфоломеем I? Что нового внесли они в общественно-политическую жизнь страны и в наши представления о Европе?*

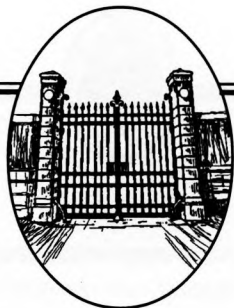
— Нельзя не оценить по достоинству посещения Его Святейшества. Но нельзя и ожидать от них немедленных плодов. Скорее следует смотреть на них как на зерно, посеянное и возрастающее в земле втайне от наших глаз. Конечно, какие-то результаты хорошо видны уже сегодня. Во-первых, это очень укрепило дух наших верующих. Честь, оказанная нам древнейшим Константинопольским престолом, который занимали такие выдающиеся личности, как св. Иоанн Златоуст и Фотий, не может не наполнять оптимизмом. Верующие осознали себя частью великой православной семьи, малой частью великой силы древних традиций. И частью не последней, не чуждой, а ценимой наравне с самыми фундаментальными основами. Приезд Патриарха как представителя первенствующего среди православных Патриархов был воспринят как награда за стойкость в вере отцов и как стимул к дальнейшим трудам на благо святого православия.

Что это дало нашим братьям-католикам? Не знаю — следовало бы их самих об этом спросить. Что это могло им дать? Возможно, те, кто до сих пор не хотел этого понять, осознали, что польское православие — не наследие разделов Польши. Мы срослись с польской землей. Мы были здесь всегда, остаемся и будем. Поэтому не надо обвинять нас в несчастьях нашей родины и упорно видеть в нас ее врагов — лучше попробовать жить с нами в дружбе.

Сегодня еще рано говорить о том, как приезды в Польшу Его Святейшества Патриарха Варфоломея повлияли на общественно-политическую жизнь. Тем не менее мы надеемся, что его призыв придать современным политическим течениям человеческий облик будет услышан, а просьба строить не «европейские фабрики», а «европейские соборы» — правильно оценена. Мы и в самом деле нуждаемся сегодня в построении нового общества, где ценностью будет сам человек, а не то, каким образом его можно использовать. Надеемся также, что призывы Патриарха объединить усилия всего общества в защиту высших человеческих идеалов возымеют действие. Иначе нам грозит опасность построить Европу, в которой ценой за материальное благосостояние станет полная духовно-психическая опустошенность человека. На алтарь материализма будут принесены в жертву любовь, дружба, терпимость и т.п. — все те чувства, которые отличают человека, определяют неповторимость и благородство (богоподобие) его природы. Потребительская Европа (в которую мы так упорно стремимся) может уничтожить в нас христианский дух.

Визиты Патриарха и его слова должны помочь нам осознать, сколь велики и реальны подстерегающие нас опасности. Вместо вражды и раздоров мы должны вместе подготовиться к отпору. По мере вхождения в европейские структуры столкновения с этими опасностями не избегать. Вместе у нас будет больше шансов на победу.

Беседу вела Эльжбета Смыковская

С ВОЛИ

Беседа Анджея Метковского с Александром Янышевым

ПРОДОЛЖЕНИЕ «БОЛЬШЕВИКА»

В четвертом номере «Новой Польши» за прошлый год появился мой мемуарный рассказ «Большевик». В конце повествования читатели — так же, как и автор — расстались с его единственным и главным героем, так и не узнав ничего более определенного ни о самом герое, ни о его дальнейшей судьбе, ни хотя бы о том, как звучат его имя и фамилия. И вот оказалось, что в варшавском журнале «Карта» (1992, №8) Антоний Замбровский опубликовал обширный материал о судьбе героя моего повествования, озаглавленный «Эстафета необходимости». Это — воспоминания тех, кто скрывал его и опекал с 1981 г., а в 1985-м в конце концов переправил на Запад. Своими воспоминаниями делится и сам Александр Янышев. Теперь у

— Расскажи немного о себе.

— Родом я из Воронежа, из центральной России. Только раз был за границей, в Монголии, вместе с родителями. Через три года мы вернулись в Воронеж, там я и жил, пока не призвали в армию. Был комсомольцем, членом ДОСААФ. Окончил десятилетку, пошел работать на механический завод слесарем; одновременно учился на водителя в школе ДОСААФ. Перед армией успел поработать шофером.

— Как получилось, что ты попал в часть, дислоцированную в Польше? Сколько лет тебе тогда было?

— В армию меня призвали в апреле 81-го, мне тогда было восемнадцать. Может, в Польшу меня потому и отправили, что я уже был за границей — в Монголии.

— Ты приехал в Польшу в самый разгар «Солидарности». Когда вас отправляли, вам сказали, куда вы едете?

— Нет. Об этом вообще не говорили. Мы спрашивали офицеров, но они с усмешкой отвечали: «Потом узнаете». Мы думали, едем в Афганистан. Тем более, что нам выдали ремни и сапоги из натуральной кожи, что означало: посылают за границу.

— Какая у солдат была первая реакция?

— Сначала все вздохнули с облегчением, но потом стали говорить, что это второй Афган, а то и хуже. Было понятно, что не позволят, чтобы такая штука, как «Солидарность», существовала в социалистической стране — это же могло перекинуться на Советский Союз. Странно было уже то, что разрешили зарегистрировать, легализовать «Солидарность».

— Вы считали, что вас будут использовать для подавления «Солидарности»?

— Об этом мы тоже думали. Но наверняка никто ничего не знал.

— Когда ты оказался в Польше, куда, в какие места, в какую часть тебя направили?

— Сначала был на аэродроме в Ключеве. Это такой перевалочный пункт, откуда разбирали солдат по раз-

ным подразделениям. Потом попал в Торунь. Метрах в пятистах от черты города был большой склад оружия: в основном бомбы и обычные ракеты. Мы охраняли склады, ходили в караул с оружием, а когда были свободны от караула, работали. Служба была не из легких. Постоянные ночные тревоги, трехкилометровые броски — бегом, с полной боевой выкладкой. В первый же день нас проинструктировали о правилах режима секретности. В частности, в письмах домой нельзя было сообщать, что мы стоим в Польше.

— Наверняка у вас были какие-нибудь политзанятия. Что говорили офицеры о ситуации в Польше? Как комментировали то, что случилось в августе 80-го, и то, что происходило потом?

— На политзанятиях нам в основном читали «Правду» и другие советские газеты. А еще говорили, что социализм в Польше под угрозой, что напичканная агентами американских спецслужб организация «Солидарность» готовит переворот, чтобы превратить Польшу в бастион антисоветского империализма. Показывали фотографии Валенсы: вот, мол, он встречается со своими боссами из ЦРУ.

— Была ли у вас какая-то возможность сравнить то, что вам говорили офицеры, с реальным положением вещей?

— Переносные приемники и фотоаппараты иметь не разрешалось, но мы ходили в самоволку (увольнения запретили, как только возникла «Солидарность») — тогда удавалось кое-что сравнивать.

— А контакты с местным населением?

— В основном торговые. Мы получали в месяц по 18 пачек сигарет, а в польских киосках никаких не было. Продавали полякам сигареты. А еще карамель, которую можно было купить в военторге в любом количестве, по 30 злотых за килограмм. На одном сладком товаре можно было заработать до 10 тысяч злотых в месяц, а мы получали по 140. Толкали солдатские сапоги, бензин. Бывало, во время тревоги то одна, то другая машина не могла тронуться с места: бензина в баке не было ни капли. Одному солдату дали восемь лет за то, что он продал свой штык за 20 тысяч, но в основном кражи покрывались — в армии ведь, как на гражданке, рука руку моет.

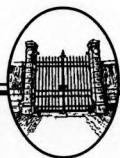
— Вы боялись общаться с поляками?

— Офицеры вечно нас стращали, чтоб мы с ними не общались, но, когда мы ходили в самоволку, никто не боялся.

читателей «Новой Польши» также есть возможность услышать его рассказ. Представляя «Беседу с Александром Янышевым», мы выражаем признательность редакции «Карты» за разрешение на публикацию ее перевода. Я хотел бы поблагодарить также проф. Ежи Помяновского за то, что он обратил мое внимание на материал в «Карте».

Публикация Антония Замбровского позволяет исправить несколько неточностей, которые вкрались в мой рассказ и за которые я приношу извинения как тем, кого они касаются, так и читателям. Увы, память подвела. Встреча с Александром Янышевым действительно произошла в региональном правлении «Солидарности», но не 12 декабря, а несколько раньше; в дело я посвятил моего друга, члена правления Хенрика Вуеца; женщину, которая тогда взяла Янышева под опеку, звали Анна Матушкевич, а не Стефания. А теперь предоставим слово самому Юрию Х, т.е. Александру Янышеву.

Виктор Кулерский

— Почему они вас стращали? Чем?

— Просто хотели создать атмосферу враждебности: дескать, поляки — враги, что-то в этом роде. Все время рассказывали, что по лесам бродят банды, что у них свои люди в «Солидарности», говорили о страшных нападениях польских контрреволюционеров на наших товарищей. Да мы и сами немного злились на поляков из-за забастовок. На ночных тревогах нам часто повторяли: беспорядки и забастовки в приморских городах принимают опасный размах, надо повышать боеготовность. Правда, мы не понимали, какое отношение это имеет к нам, мы же так далеко от моря, но все-таки злились на польских зачинщиков беспорядков — ведь это из-за них нас лишили сна.

— Когда тебе впервые пришла в голову мысль о побеге — о побеге на Запад?

— Когда я был на гауптвахте.

— За что ты туда попал?

— Однажды пьяный вдрызг офицер приказал мне чистить унитаз зубной щеткой. Я его послал куда подальше. За это мне дали месяц губы — я должен был искупить свою вину работой и прослушиванием воспитательных бесед. Работа состояла в основном в том, что мы перетаскивали с места на место груды тяжелых камней. Воспитательные «беседы» проходили по два раза в день в темном сортире без окон. Били пострашному: оба воспитателя — младшие сержанты — были по этой части настоящими экспертами. Каждый урок кончался поучением: «Чтоб помнил, как положено разговаривать с офицерами». В конце концов пришлось сдать меня в санчасть с опухшим животом и травмами внутренних органов. Когда я вернулся к себе в подразделение, я уже знал, что сбегу.

— Как ты представлял себе этот побег?

— Предполагал, что перейду советскую границу, потом через весь Союз — до Берингова моря, а дальше через Аляску — в Соединенные Штаты. Но вспомнил, что вся советская граница опоясана тройным кольцом колючей проволоки. И перебраться через нее вообще невозможно. Тогда решил обратиться за помощью в «Солидарность».

— Как прошли первые часы побега?

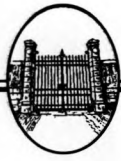
— Я сказал, что у меня болит сердце, поехал в госпиталь, там мне сделали кардиограмму и освободили на день от работ. Потом никто мной уже не интересовался, в части я делал что хотел. Пошел туда, где стояли такие вагончики, на которых возят инженерный батальон. Переждал там, пока стемнело, упаковал в рюкзак плащ-палатку, портянки, на кухне украл кривой нож (еды достать не удалось) и сбежал. Через два часа марша добрался до какого-то госхоза.

— Где это происходило? Где стояла ваша часть?

— Под Вроцлавом, в Олаве. В госхозе, на чердаке хлева, было сено, там я спал. На поле поблизости нарвал кукурузы, тем и питался. Через три дня стащил у магазина старый, немецкий еще, велосипед и поехал во Вроцлав, в региональное правление «Солидарности». Разузнал у людей, где оно находится. Все были настроены дружески, с готовностью давали информацию, хотя и удивлялись: ведь я был в мундире, только сорвал погоны и военные значки. До «Солидарности» добрался к ночи, было уже закрыто. Кто-то сказал, чтоб я приходил в восемь утра.

— Как тебя приняли там на следующий день?

— Очень удивились, когда увидели, что я стою в советском мундире в уборной и курю сигарету. Отвели к профсоюзному деятелю высшего ранга, тот бегло говорил по-русски.

Выслушав мою историю, он ясно дал понять, что должно быть принято специальное решение о моей судьбе: не провокация ли это? Мне дали гражданскую одежду, накормили, поместили в безопасное место и стали проверять. Позже, когда проверили, недели через три-четыре, я поехал в Варшаву — на поезде. На куртке у меня был значок «Солидарности», что, как сказали мне вроцлавские друзья, должно было меня уберечь в пути от проверки документов. Так оно и было. В Варшаве мне показали, где шведское посольство, пошел я туда. Там сказали, что нужен переводчик, пришлось вернуться в варшавское региональное отделение. Было это дня за три до введения военного положения.

— Ты знаешь что-нибудь о том, как тебя искали после побега?

— Во всех советских частях, расположенных вокруг Олавы, была поднята тревога. Вертолеты, вооруженные солдаты в грузовиках... Разослали объявления о розыске.

— Где застало тебя военное положение?

— Я как раз был у одной девушки — активистки «Солидарности». Утром просыпаюсь — вся ее семья в слезах. Включили радио, там что-то о военном положении. Я не понимал, что это такое, мне объяснили. Думал, будет война, еще одна Чехословакия или Венгрия... Думал, уйду в лес. Ведь еще до того, как попасть в Польшу, я читал в газетах, что «Солидарность» вооружается, что у нее есть оружие, в основном американского производства. Так что я думал — уйду в лес...

— Воевать — с кем?

— Как с кем? С коммунистами.

— Ты испугался 13 декабря?

— Я был к этому готов с самого начала своей службы в Польше. Что будет что-то в этом роде.

— Как прошли следующие годы, когда ты, бывший советский солдат, скрывался в подполье «Солидарности»?

— В период военного положения я в основном сидел по квартирам, редко появлялся на улице. Если выходил, то под чьей-нибудь опекой. Меня возили по таким улочкам, где милиция, как правило, не ходит. По месяцу, по два я был на одном месте. Потом меня перебрасывали...

— Ты отлично говоришь по-польски, но я догадываюсь, что поначалу, в 1981 году, с этим еще не все было так благополучно.

— Тогда я вообще почти не говорил по-польски, только несколько слов — вроде «дзень добры» или «куп пан паперосы». Начал со сказок, читал их, смотрел телевизор, слушал радио. И даже сам не заметил, как постепенно начал говорить.

— А были у тебя какие-нибудь столкновения с милицией, с госбезопасностью?

— Однажды я был в горах, а когда возвращался, милиционер на вокзале хотел проверить мои документы. У меня было поддельное удостоверение личности и мои собственные, советские водительские права. Понемногу вынимая все из рюкзака, я соображал: что же предъявить милиционеру? Документы были на дне. Удостоверение личности в корочке — не видно, что это такое, а права красные, без корочки, с советским гербом. Документы выпали, и я протянул ему водительские права. Милиционер спросил, где мой паспорт, я ответил, что в посольстве, что посольство велит оставлять паспорта, потому что в Польше воруют. Этого оказалось достаточно. Он спросил, что я делаю в Польше. Я ответил, что приехал на отдых, что у меня была дорожная авария. Он уже собрался

уходить, но все как-то оглядывался, присматривался ко мне. Взял я рюкзак — и к нему. Начал расспрашивать о разных вещах: почему, например, милиционеры ходят с дубинками, если это социалистическая страна... Наконец, через полчаса он от меня просто смылся. Сказал, что на минутку спустится в подвал, посмотреть, что там делается. Больше я его не видел. Потом ко мне прицепился шпик, ходил за мной по вокзалу. Но я его потерял. Приехал в Варшаву, пошел по новому адресу. Оказалось, за два часа до моего прихода был обыск, и хозяйку забрали. Так кончилось это приключение. Как-то меня пронесло.

— Что тебе грозило в случае поимки?

— Смертная казнь за «измену родине», за контакты с антисоветской организацией и за побег.

— Ты все время думал об этом?

— Да. Забывал только тогда, когда была какая-нибудь работа, — работал у крестьянина, у частного.

— Тебе в руки попадала независимая пресса, газеты «Солидарности»?

— Да, я читал «Тыгодник Мазовше», «КОС». Это было интересно. Сидел на одном месте, а там были новости со всей Польши.

— Ты чувствовал тогда, что как-то связан с «Солидарностью», с подпольем?

— Да. Мне очень хотелось что-то делать для подполья. Например, научиться типографскому делу, печатать, но мне сказали, что тогда я рисковал бы вдвойне. И как печатник, и как беглец. Раз только, на Пасху, красили яйца, и надо было на них писать «Солидарность — продолжение следует», тут и я потруился.

— Сколько времени, в общей сложности, ты пробыл в Польше?

— Больше четырех лет.

— За все эти годы был ли у тебя случай ощутить проявления русофобии, неприязнь к себе как к русскому?

— Нет, этого я не чувствовал. Неприязнь к коммунистам — да, но к русским неприязни нет. Когда-то, еще в части, мне приказали поехать во Вроцлав, за бельем. Я проезжал на грузовике мимо ворот бастующего предприятия. Охрана забастовщиков смотрела на меня молча, они не сказали ни слова. Знали, что простой солдат — поляк он или русский — ничего не решает.

— Словом, к тебе относились как к своему?

— Как к своему. Всегда говорили: «мы, славяне»...

— Быть может, кто-то из тех, кто тебя укрывал, прочтет эти слова...

— Я очень хотел бы сказать спасибо людям, которые укрывали меня и помогли выехать на Запад, за все, за их заботу, за то, что они рисковали своей свободой, а может быть, и жизнью. Это благодаря им все удалось — я на Западе.

Василий Щукин

МЕЖДУ АФИНАМИ И ИЕРУСАЛИМОМ

Grzegorz Przebinda, OD CZAADAJEWA DO BIERDIAJEWA. SPÓR O BOGA I CZŁOWIEKA W MYŚLI ROSYJSKIEJ (1832–1922), Kraków 1998, Nakładem Polskiej Akademii Umiejętności (Prace Komisji Wschodnioeuropejskiej 6)

Трезво и глубоко мыслящие представители польской интеллигенции еще в конце XVIII века противопоставляли традиционной польской неприязни к “московской мерзости” стремление по-настоящему понять Россию — причем понять не для того, чтобы эффективнее противостоять опасным “русским влияниям на польскую душу”, но для того, чтобы открыть для себя некий сложный, противоречивый и в то же время притягательный и полный глубокого содержания мир, без которого европейские культурные традиции оказываются неполными, однобокими. В наше время лозунг “понять и принять Россию” стал общим местом в декларациях не только польских мыслителей, но и всех тех, кому дороги цивилизованные отношения с каждым участником общеевропейского диалога.

В послевоенные годы русской философской и общественной мыслью занимались в Польше в основном исследователи, условно говоря, левой ориентации — либо марксисты, либо либеральные демократы. Однако, в силу ряда исторических причин, важную роль среди которых сыграли сильные антипросветительские тенденции — ведь эпоха Просвещения, в отличие от Германии, Франции или России, оказалась в Польше “проигранной”, — многие видные представители интеллектуальной элиты сочли своим долгом заявить о приверженности не только христианскому универсализму, но и католическому традиционализму, восходящему к позднесредневековой схоластике. Особенно ха-

рактерна в этом отношении группа авторов, сформировавшаяся вокруг еженедельника “Ты-годник повсехны” и научного журнала “Знак”, выходящих в Кракове. Открыто заявляя о своей ортодоксальной вере, польские христианские философы и историки мысли все же далеки от какого бы то ни было фундаментализма и скорее примыкают к либеральному течению внутри современного католицизма. В этой среде, в этой интеллектуальной атмосфере и возникло фундаментальное исследование, посвященное русской философской и общественной мысли — книга Гжегожа Пшебинды “От Чаадаева до Бердяева. Спор о Боге, человеке и истории в русской мысли. (1832–1922)”.

Эти 528 страниц, напечатанные убористым шрифтом, читаются почти как детективный роман. Книга захватывает дух, ибо трудно оставаться безразличным или сохранять стоическое спокойствие, когда текст втягивает, заставляя радоваться внезапно проясненной истине или же оспаривать те или иные положения автора. А это означает, что перед нами книга серьезная, концептуальная.

В чем же суть ее концепции?

Монография Г.Пшебинды охватывает далеко не всю историю русской философской и общественной мысли за период с тридцатых годов прошлого до двадцатых годов нынешнего столетия, т.е. от первой публикации П.Я.Чаадаева (статья “Об архитектуре”, 1832) до “философского парохода”, который в 1922 г. увез из России выдающихся философов-идеалистов. Автора интересует лишь один аспект русской интеллектуальной истории указанного периода — отношение различных мыслителей к проблеме существования Бога. В зависимости от ответа на вопрос о существовании потусторон-

него мира строится концепция как человека, так и истории. Что есть человек — единственное мерило всех вещей или “только” образ и подобие Божии? Что есть история — естественный процесс, аналогичный иным природным процессам с их диалектикой закономерности и случайности, или же Божий Промысел, имеющий целью окончательное спасение человечества и вечную жизнь вне времени? В зависимости от ответа на эти принципиальные вопросы Г.Пшебинда различает “антитеистов”, которые считают веру в существование Бога вредной и активно критикуют религию, и атеистов, которые считают веру в Бога по меньшей мере наивной, но не выступают с враждебных по отношению к ней позиций. К первым исследователем относит Герцена, позднего Белинского, Лаврова и Плеханова, ко вторым — Чернышевского. Выбор между *имманентным* мирозерцанием, которое исповедовали атеисты и “антитеисты”, и мирозерцанием *трансцендентным*, сторонниками которого были теисты, взиравшие на историю с провиденциальной перспективы, явился, по мнению Г.Пшебинды, главной проблемой русской мысли послепетровского периода.

Избегая громких слов и предпочитая соблюдать осторожность при определении того, какая проблема на самом деле была для русских мыслителей главной, отметим тем не менее, что значение вышеупомянутого мировоззренческого спора трудно недооценить. Проблема выбора между “Бог есть” и “Бога нет” всегда вызывала односторонние, идеологически предвзятые интерпретации. С одной стороны, все серьезные аналитики русского философского наследия, исповедовавшие “имманентность” и атеизм, шли по стопам Плеханова и недооценивали идеалистов. Авторы противоположных убеждений, наоборот, явно пренебрегали “имманентностью” и ее сторонниками. Несомненное достоинство книги Г.Пшебинды состоит в том, что хотя он и заявляет открыто о своей приверженности христианской концеп-

ции мира, человека и истории, он все же ставит перед собой задачу объективного освещения взглядов всех мыслителей, к какой бы из спорящих сторон они ни принадлежали. И в целом ему удается выполнить эту задачу. Автор книги отличает глубокое уважение ко взглядам его мировоззренческих противников и даже восхищение их интеллектуальным бесстрашием: дескать, не каждый осмелится добровольно отказаться от бессмертия души и поставить дух в зависимость от физических и химических процессов. Однако главное не это, а уважение к Тексту с заглавной буквы. Исследователь проявляет достойную всяческой похвалы дотошность: он не пропускает ни строчки, последовательно, том за томом, изучая все новые и новые собрания сочинений — Чаадаева, Белинского, Герцена, Хомякова, Киреевского, Чернышевского, Лаврова, Владимира Соловьева, Константина Леонтьева, Бердяева, Шестова, Франка, а также, к примеру, Гоголя, Достоевского, Тургенева и Чехова. Учтено все. Конечно, автор рассматривает этот колоссальный текстовый материал избирательно, в зависимости от аспекта исследования и его идеологической направленности. Однако он знает: для того, чтобы понять, допустим, отношение Белинского к проблеме Божественного Откровения, он должен прочесть все двенадцать томов его полного (оксмановского) собрания сочинений. И делает он это безукоризненно честно, с карандашом в руке, не пропуская ничего: ни писем, ни мелких рецензий.

Это честное по отношению к источнику прочтение ценно, помимо прочего, еще и тем, что оно позволяет избавиться от многих устоявшихся стереотипов. Так, например, неоднократно подвергается критике тот факт, что в Белинском одни видели лишь предшественника марксизма, “революционного демократа”, а другие — неистового безбожника, атеистического противника Гоголя и Достоевского. Точно так же последовательно подвергается сомнению “революционный” пласт мировоззрения Черны-

шевского и справедливо восстанавливается почти забытый или, скорее, оставленный в пренебрежении позитивистский пласт его учения. Стереотип, согласно которому Чернышевский — “всего-навсего” пошловатый (или гениальный — в зависимости от идеологической установки) учитель Ленина, разоблачается раз и навсегда. Вместо этого Чернышевский рассматривается таким, каким он был на самом деле: несколько наивным “поздним внуком Просвещения”, иногда беспочвенным, но по-своему привлекательным утопистом, но прежде всего мыслителем оригинальным и серьезным. С другой стороны, автор столь же компетентно (тут Г.Пшебинде несомненно помогло его “родное” католическое воспитание) расправился с благородным, но имеющим мало общего с истинной герценовским мифом о Чаадаеве — либерале-просветителе, стоявшем ближе не к французским традиционалистам эпохи Реставрации, Балланшу и де Бональду, а к декабристам.

Нетрудно представить себе читателя или рецензента, который, прочтя эту книгу, с легкостью найдет в ней массу недостатков. Обоснованную критику может, на мой взгляд, вызвать и избранный автором метод. Для Г.Пшебинды как для исследователя, убежденного в том, что прозрение богооткровенных истин и трансцендентных высот и глубин не мешает, а помогает настоящей науке, “значение имеет как раз сверх-историческая ценность русских споров”. И если культуру — вслед за Соловьевым и Бердяевым — он определяет как “индивидуально-коллективный трансцендентный акт, который с самого начала позволяет человеку познать самого себя, восстанавливая тем самым утраченную связь с Богом”, то любого рода конкретно-историческое и тем более социально-генетическое исследование теряет всякий смысл.

В связи с этим совершенно несущественным или по крайней мере второстепенным становится извечный вопрос историка, привыкшего видеть любое проявление духовного творчества в связи с его индивидуально-психоло-

гическим или общественным генезисом: *почему?* Почему Чаадаев в середине 1820-х распрощался с либеральными воззрениями и принял консервативно-христианскую систему ценностей? Почему Белинский в начале 1840-х решился отбросить мысль о существовании Бога и бессмертии души? Почему Соловьев, будучи гимназистом, исповедовал материализм в духе Писарева, а в студенческие годы вернулся на лоно Церкви и создал концепцию трансцендентного идеализма? Ответы на эти вопросы, позволяющие исследователю приоткрыть удивительные тайники души того или иного мыслителя и общественную атмосферу эпохи, в которую ему довелось жить, Г. Пшебинду не интересуют вовсе. Это неслучайно. Нельзя требовать конкретного историзма или психологизма от автора, который в конечном итоге, в полном соответствии с христианскими идеалами бытия вне времени и истории, пренебрегает земными причинами и общественными функциями описываемых результатов духовного творчества. Но тот, кто не верит в потусторонний мир, останется удовлетворенным не до конца.

Во всеобщем споре теистов с атеистами, который, как верно заметил автор книги, редко выливался в открытую полемику, ибо отдаленность их мировоззренческих позиций была слишком велика, незаслуженно забытым оказался русский пантеизм, все еще ожидающий своего исследователя. Если углубиться в мысль Владимира Одоевского, Станкевича или хотя бы Льва Толстого, то окажется, что дихотомическое деление русской мысли на “имманентную” и “трансцендентную” не столь универсально. С одной стороны, эти мыслители отвергали трансцендентность и личного Бога, признавая самую природу пронизанной божественным началом, с другой же были весьма далеки от атеизма. Поэтому ставить Толстого в один ряд с поздним Белинским, Плехановым, Кропоткиным и даже Лениным, считая всех их “гуманистами-антропоцентристами” (то есть отрицающими божественное происхождение человека),

недопустимо даже с точки зрения традиционного христианского теоцентризма. Из того, что Толстой отвергал большую часть христианских догматов, вовсе не следует, что он отрицал Бога и иные проявления потустороннего. Пусть никого не вводит в заблуждение упрямое толстовское упрощенчество, толстовский рационализм и натурализм, восходящий к Руссо и традиционному русскому (точнее крестьянскому) здравому смыслу: автору “Войны и мира” было присуще чувство вечности и иных миров — другое дело, что именно это чувство (речь не идет обо всех аспектах толстовского мирозерцания) не было христианским по духу.

Коль скоро речь зашла о христианстве, нельзя не сказать о миссии, которую призвана выполнить книга по замыслу ее автора, — не случайно эта религия носит резко выраженный миссионерский характер.

Признавая свою особую приверженность взглядам зрелого Соловьева, настойчиво пытавшегося найти общее пространство между христианством и гуманизмом или, говоря словами Льва Шестова, между верой в духе Иерусалима и культурностью в духе Афин, Г.Пшебинда мечтает о распространении в России некоей религиозной, христианской науки, которая была бы цивилизованной в духе западного христианства или “интеллигентного” православия о. Александра Меня и С.С. Аверинцева, науки, которая была бы проникнута аристотелевским чувством меры и умственного порядка. Важным условием будущего культурно-религиозного возрождения станет преодоление различий между Россией и протестантско-католической Западной Европой, которое должно осуществиться (здесь автор не скрывает своих идеологических пристрастий) “как результат мышления в соловьевских (христианско-гуманистических), а не в герценовских (антихристианско-гуманистических) категориях”. Таким образом, веротерпимость рас-

пространяется на христианский Восток, но никак не на “антитеизм” и даже не на пантеизм. По мнению Г.Пшебинды, атеизм и антитеизм в России потерпели в XX веке крах в результате теоретических изощрений и практических действий ленинского большевизма, а следовательно, единственный путь к идеалу свободной и полноценной личности лежит через универсальную и, что весьма важно, *сверх-историческую* концепцию мира, признающую реальной известную сферу, которая находится за пределами природы и истории.

Насколько же реален и плодотворен путь, предложенный польским ученым?

Прежде чем выразить собственное мнение на этот счет, позволим себе привести мнения двух скептиков. Один из них — выдающийся современный польский философ Лешек Колаковский, в прошлом марксист, ныне сторонник леволиберальной ориентации, автор фундаментального труда “Основные течения марксизма”. На страницах своей книги Г.Пшебинда вспоминает любопытный разговор, который произошел в редакции краковского католического журнала “Знак”:

Когда читателям и журналистам представляли книги “Бог ничего нам не должен” Лешка Колаковского и “Больше чем миф” о. Яна Анджея Клочовского, Колаковский спросил о. Клочовского: “Зачем вы все эти два тысячелетия любыми способами пытались сочетать религию Авраама с философией Аристотеля?” Отвечать на этот вопрос не было времени, но ответ был бы очень прост: “В этом-то все и дело!”.

Однако “в этом все дело” лишь для того, кто в общей иерархии ценностей ставит веру выше знания. И тут невольно вспоминается разговор Хомякова с Герценом, воспроизведенный последним в 30 главе “Былого и дум”. Речь шла о бессмертии души — краеугольном камне трансцендентной веры Г.Пшебинды. “Однако как человеку надобно свихнуть себе душу,

чтоб примириться с этими печальными выводами вашей науки и привыкнуть к ним!” — восклицал Хомяков, на что Герцен отвечал: “Докажите мне, что *не-наука* ваша истиннее, и я приму ее так же откровенно и безбоязненно, к чему бы она меня ни привела, хоть к Иверской”. — “Для этого надобно веру”. — “Но, Алексей Степанович, вы знаете: “На нет и суда нет””.

Вот именно. Трудно не отнестись скептически к предложению слить воедино *профетический, верующий Иерусалим* и в *посюстороннем духе мыслящие Афины*. Дело даже не в том, что идея эта может найти отклик лишь у небольшой группы современных русских интеллигентов-филокатоликов, основная же масса и верующих православных, и атеистов, и религиозных агностиков (а таких сейчас в Европе большинство) по разным причинам останется к ней равнодушна. Дело в том, что свободная критическая мысль перестанет быть свободной и критической, если человеческая личность откажется от права быть неоспоримым субъектом этой мысли и признает ее происхождение, а быть может, и зависимость от Промысла Божия. Но будет ли полноценной наука, лишенная *неограниченной* свободы критической мысли? Не окажется ли она в определенный момент связана если не очередной энциклопедией, то границами, предопределенными Священным Писанием? И, наоборот, будет ли поистине *откровенной*, полной несказанного таинства религия, посаженная за школьную парту и “образумевшая”, лишенная возможности быть в определенных случаях иррациональной, экстатической, неистовой?

Нет, Шестов был все-таки прав: Афины и Иерусалим суть разные миры, и синтез их невозможен. Однако возможен их диалог. Рознь между верующими и неверующими бессмысленна и деструктивна. Слиться в одно целое они могут только в рамках единого человечества,

но это не значит, что они не должны стараться лучше понять друг друга. Читая книгу Г.Пшербинды, отчетливо видишь, насколько иногда примитивны, несовершенны были наши представления об умах, привыкших мыслить в категориях трансцендентного. Однако и сам автор — это можно хорошо заметить, перелистывая книгу, — открыл для себя то, что ранее, возможно, не считал столь ценным: своеобразную прелесть взгляда на мир без пространственных и временных границ, без чего бы то ни было вне этого великого Единственного. Ведь вопреки тому, что утверждает Г.Пшербинда, большевизм не означал окончательного краха русского атеизма. Для многих мыслящих людей их вера в отсутствие сверхъестественных явлений (а в это, как и в Бога, можно только верить или не верить) была и остается не менее *святой*, чем вера в спасение у христиан.

Любимые автором герои-теисты: Чаадаев, Соловьев и Бердяев (к их числу можно с некоторыми оговорками добавить также Киреевского, Гоголя и Достоевского) — принадлежат к числу “великих неудачников”, которые, как во многом и сам автор, хотели “объять необъятное”, соединить несоединимое, а потому их идеи оказались глубоко “трансцендентными” по отношению к наличной российской действительности. Ближе к истине, если говорить о верной оценке реальной действительности своего отечества, оказывались такие “реалисты”, как Леонтьев с Розановым или, наоборот, Белинский и Плеханов. Но именно идеалисты, подобные Чаадаеву и Соловьеву, оставили самый прочный интеллектуальный след в нашей философской истории. И именно они были не только гордостью, но и совестью нации.

Остается только предложить вниманию читателей упомянутое исследование, которое, без всякого сомнения, должно быть переведено на русский язык и прочно войти в научный обиход.

Ярослав Ивашкевич

РУССКИЕ ЮНОШЕСКИЕ СТИХИ ПОЛЬСКОГО ПОЭТА

Ярослав Ивашкевич (1894-1980) — поэт, прозаик, эссеист, переводчик. В период между двумя мировыми войнами был членом поэтической группы “Скамандр”. Работал секретарем маршала Сейма, секретарем польских дипломатических представительств в Дании и Бельгии. Во время войны остался на родине, помогал писателям и деятелям искусства, открыл свой дом беженцам. После войны — председатель Союза польских писателей (1945-1946, 1947-1949 и 1959-1980). С 1955 г. до самой смерти редактор журнала “Твурчосць” (“Творчество”). Автор многих сборников стихов, рассказов и романов (в том числе “Честь и слава”), переводов (переводил с русского рассказы Чехова и “Смерть Ивана Ильича” Льва Толстого, а также — одним из первых — стихи Ахматовой).

Кто-то удачно заметил, что Ивашкевича не положишь на полку: не уместится. Это намек как на его рост, так и на множество написанных произведений, а также на специфику таланта.

Русский читатель, возможно, знаком с переводами его книг и с фильмами Анджея Вайды, снятыми по рассказам писателя (“Березняк”, “Барышни из Вилько”).

Ивашкевич родился в деревне Кальник на Украине. Его отец участвовал в восстании 1863 года. Сын рос в среде польских помещиков, владевших землями на Украине. Учился в гимназии в Елисаветграде и Киеве, с 1912 г. — на юридическом факультете Киевского университета. Однако его влекла музыка (пока двоюродный брат, выдающийся композитор Кароль Шимановский не развеял его надежд на карьеру композитора) и литература. Писать стихи он начал под бесспорным влиянием модернистской поэзии. Позже Ивашкевич сам признавался, что в его стихах того времени “поблескивали слоновая кость, топазы и хризолиты”.

В то время он писал и по-польски, и по-русски (как раньше другой известный польский поэт — Болеслав Лесмян). Читателями его русских стихов были ближайшие друзья: Николай Недзвецкий, Юрий Миклухо-Маклай и Константин Маслеев, судьбы которых в годы наступившей революции и гражданской войны оказались трагическими. Но не только распад юношеского дружеского круга и отъезд в Варшаву в 1918 г. привели к тому, что Ярослав перестал писать по-русски. Позже в “Книге моих воспоминаний” он отметит: “Хотя русским я владел в ту пору наравне с польским, стихи на чужом языке никогда не могли обрести ту форму, какую я желал им придать”.

В доме-музее поэта (Стависко под Варшавой) находятся несколько тетрадей русских юношеских стихов Ивашкевича. За исключением одного, которое писатель приводил в своих воспоминаниях, они никогда не публиковались.

Мы печатаем из них четыре стихотворения.

Петр Мицнер

стихи Яна Константина Маслеева

отроки вы или отроки вы любимые
и вы шлите мне все
глаза ваши голубые невинные
а в сердце тайны грехов

руки ваши большие прозрачные
и губы — кровавой коралла
а в грациозной походке иррациональ
удел вас осенняя листва баг

спитесь вы сном во имя яковлевской
спитесь вы эллинистический град
золота пером среди пращиров
и вышедшей отсюда таинственной седи

душа ваша смиренная помыслившая
среди лирических мирских снов
шептала вам судьба ваша заумница
тихоней величия грехов

1912/4

мы выжили в то не сием легком
революционеры и сием опытом
пути различные на просторах
и гоним протом нас лирической гласью

по бури снова нас сиематом
во два опьяняющий клубна
над нами тури проблематом
под нами бедна клубна

мы во шумном обособились
печной зарисованный (крова
и ватрогонные проливались
в бедну по ватрогну пути

Стихи для Константина Маслеева

отроки вы мои отроки вы любимые
и ты милее мне их всех
глаза ваши голубые невинные
а в сердце таится грех

руки ваши большие прозрачные
и губы — кровавый коралл
а в грядущем дорогие мрачные
ждет вас осенних листьев бал

снится вам сидон во мгле окровавленной
снится вам финикийский град
золота трон среди мраморов
и вишневый отцветающий сад

душа ваша смиренная послушница
среди мятежных мирских снов
шепчет вам судьба ваша заушница
откровения великих грехов

1914

Мы волны две на синем море
расходимся и сходимся опять
пути различны на просторе
и гонит прочь нас мира гладь

но бури снова нас сплетают
в два опьяневшие клубка
над нами тучи пролетают
под нами бездна глубока.

мы в пустоте облобызались
пенной заржавленной в крови
и ветрогонные промчались
в бездну по вечному пути.

Не правда ль хорошо что ждет нас всех конец?

Утомит дальний путь, утомит труд и лень
Утомит сосен гул и лавр высоких тень
Утомит запах роз и лилии и сирень
Из красных листьев нам осень совет венец
Уныло позовет она в лесную сень
Померкнет солнца блеск умрет для нас и день
Ведь хорошо... придет всему конец!
Мы так устанем жить... и тихая могила
Раскроется пред нами — пойдем мы наконец
Что в здешней жизни мы, что тот усталый жнец

Тушевая песня Бандар-Логов

[Перевод из Киплинга]

Быстро в гирлянды воздушные вьемся
Близко от светлой луны мы несемся.
А не хотите ли весело с нами
Цепкими лазать повсюду руками?
Вы поглядите: наш хвост горделивый
Цепок и силен, и загнут красиво!
Что же, о братья! Пусть вас это злит,
Хвост наш прекрасный у нас все висит!
Здесь мы на ветках летаем висящих,
Думаем мы о победах блестящих,
Подвигах славных. Все мысли так новы!
Всё совершить мы в минуту готовы.
Мы за великое примемся дело,
Наши мечтанья выполним смело.
Мы позабыли, что нам предстоит!
Что же! Ведь хвост наш у нас все висит!
Всё, что услышим от мыши летучей,
Зверя, иль рыбы, иль птицы певучей,
Всё, что увидим, услышим, всё знаем,
Всё мы все вместе сейчас повторяем.
Чудно, прекрасно. Раз и другой.
Наш разговор, словно говор людской.
Люди мы! да! Как прекрасен наш вид!
Что же нам славу никто не кричит?
Пусть их, ведь хвост наш у нас все висит!

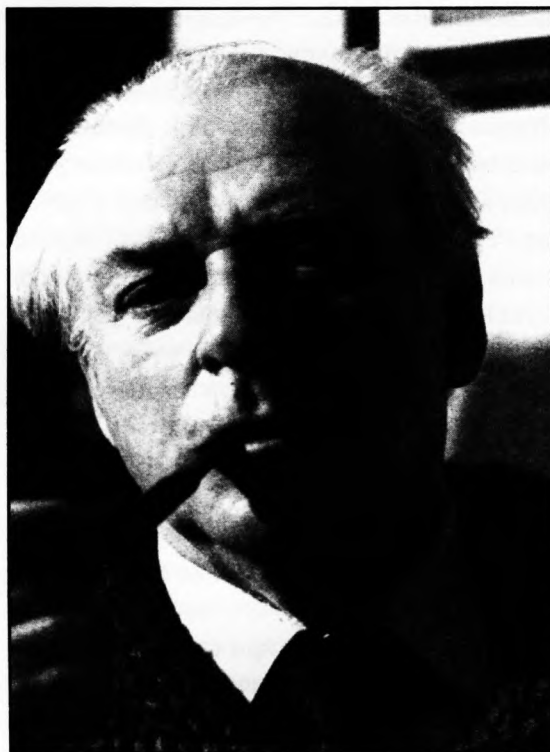

Януш Красинский

МОЯ ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

Выступление в Национальной библиотеке 7 марта 2000 года

Януш Красинский (р. 1928) – писатель и драматург. Автор десятков романов, повестей, пьес и киносценариев. Провёл 9 лет в тюрьмах ПНР как политзаключённый. Его произведения переводились на несколько языков. В России издательством “Радуга” была выпущена его повесть “Сын Валленрода”. По его сценарию С. Колосовым был поставлен известный кинофильм “Помни имя свое”. Московский театр драмы им. Пушкина в 1987 г. поставил его пьесу “Смерть в рассрочку”. В Париже была поставлена другая его пьеса “Завтрак у Дездемоны”.

Эра письменного слова проходит. Находясь здесь, в Национальной библиотеке, я, быть может, подсознательно, но с тревогой думаю о новой эре культуры звуков и картинок, которую для пущей важности именуют аудио-визуальной. Третье тысячелетие несомненно будет ознаменовано ее наступлением. Так что, прежде чем это случится, возможно нелишне будет поделиться с вами впечатлениями о моей читательской жизни. Ведь многое из того, что я читал, формировало не только мою личность, но, с тех пор, как была изобретена письменность, сформировало личности людей многих народов западного мира.

К тому времени, когда началась война, я уже одолел “Тарзана среди обезьян”, “Буффало Билла” и “Кинга, сержанта королевской конницы”. Кроме того — “Баську Мурманскую” Ксаверия Прушинского, а еще — романы “Здих ищет отца” и “Здих ищет мать”. Не помню автора, зато помню, где Здих искал их — в Сибири. Меня тогда это интере-

совало. И не только меня, но и многих моих ровесников. Сегодня молодой человек почти наверняка с раздражением отбросит такое чтение. Какое ему дело, на какой-такой Колыме мыкался его дедушка, в какой кутузке сидел его отец во время военного положения...

На первом же уроке польского языка после того, как немцы вошли в Варшаву, учитель прочел нам “Редут Ордона”. В госпиталях лежали раненые солдаты, участники обороны столицы. Мы носили им передачи — сухари, которые так хотелось схрупать самому. “Редут” произвел на меня, одиннадцатилетнего, огромное впечатление. Я побежал

домой, вытащил “Сочинения” Мицкевича и выучил стихотворение наизусть. Уговаривать меня читать “Конрада Валленрода” уже никому не пришлось. После сентябрьской катастрофы, нового раздела Польши между двумя захватчиками, патриотическая литература воодушевляла. Но я был обычным мальчишкой и жаждал приключений. Других — поинтереснее, чем недавние бомбежки осажденной Варшавы. Я набросился на “Приключения Тома Сойера”. Детективы были мне скучны, я предпочитал Купера, Кervуда, Джека Лондона, Серую Сову. Прочитал “Пятнадцатилетнего капитана” Жюль Верна. Но караваны черных рабов в Африке странным образом напоминали об уличных облавах и вывозе варшавян на работы в Германию. А я уже тогда подумывал стать писателем — повествовать, подобно Карлу Маю, о Диком Западе. И все это разом поблекло на фоне облав, жестокости немецких оккупантов. Я начал что-то корябать в школьной тетрадке. Потом она сгорела вместе с нашим домом.

“Фараона” я читал при свете карбидной лампы. А когда поздно вечером родители гасили свет, чтоб я, наконец, отправлялся спать, я прятался с книгой под одеяло и читал с фонариком. По ночам из-за окна доносились крики немецких жандармов, часто раздавались выстрелы, а поутру в городе, на афишных тумбах, можно было прочесть списки расстрелянных накануне заложников или прямо нарваться на публичную казнь. Я уже был в “Серых шеренгах” [подпольная организация польских скаутов — харцеров], расклеивал по городу антигитлеровские листовки, в любой момент мог попасть в лапы гестапо. Сейчас я поражаюсь, как в атмосфере страха, ежедневных казней, а вскоре и горящего гетто, можно было читать.

После Варшавского восстания был Освенцим, Герсбрук, Дахау: черный дым кре-

маториев и белое пятно на карте моего чтения. Когда пришли американцы, мы, истощенные, оголодавшие в концлагерях, получили немало бесценных посылок от УНРРА. Но в них не было ни единой книги. Большой лагерь польских “ди-пи” [“перемещенных лиц”] в Вильдфлекене — без библиотеки. С чьих-то слов я выучил там наизусть написанное в немецком лагере для пленных офицеров стихотворение Галчинского “Три флага” и стихи Броневского, который в английском буфете вспоминает советский лагерь: “Там, на Ухте...” Два года, пока я не вернулся в Польшу, удавалось читать только эмигрантские газеты.

В КПЗ контрразведки Войска Польского на улице Очки, где меня держали после ареста, всю ночь горел свет, но не было ни одной книги. Читать можно было только правила тюремного распорядка, а в кабинете следователя — протоколы собственных допросов. Крайне интересно, что в них всегда обнаруживались показания, которых я не давал. От сидевшего вместе со мной русского офицера из Польской Армии Людовой я научился многим прекрасным русским песням. Так что опять — не печатное слово, а устная передача.

По окончании следствия я попал в Мокутув, где, по слухам, была библиотека, но только не для врагов народа. Тайком, в углу камеры, я изучал английский. Как-то раз неожиданно нам в руки попал лист из английской газеты (Бог знает, как он там оказался: наверно, как оберточная бумага) с репортажем о жизни лопарей в Кируне. Я прочел его с помощью учителя. На втором году отсидки — живой печатный текст, да и сам рассказ об ином, неведомом мире — сильное было впечатление. Не говоря уж о том, что заодно я мог наглядно убедиться, что и впрямь продвигаюсь в изучении языка.

Сидя в Мокотувской тюрьме, мы возлагали большие надежды на Вронки. Там, наконец, будут книги! Вскоре, получив свои 15 лет, я поехал этапом в это книжное Эльдorado. Когда мы прибыли, нас разделили по двое и посадили со старожилами. Камера была маленькая, и, входя, я сразу увидел на столике две книги: “Базельские колокола” Арагона и “Остров пингвинов” Франса. Меня охватило возбуждение, что-то вроде золотой лихорадки. Чтобы мой товарищ меня не опередил, я тут же схватил одну из них и... ну этого не расскажешь.

Я бы советовал молодым людям хоть недолго посидеть в тюрьме. Но в пристойной, без принудительного труда, без радио, без телевизора... только с библиотекой, как во Вронках, довоенной. И после такого долгого интеллектуального поста оказаться вдруг рядом с монахом Маэлем в каменной чаше посреди Ледовитого океана. Шепча про себя строфы из Вергилия, доплыть под самодельным парусом до полярного острова и увидеть высыпавший навстречу народец во фраках, который отец Маэль примется обращать в христианство. Они будут почтительно слушать проповеди, и, наконец, близорукий миссионер окрестит эти жаждущие его поучений создания, которые — увы — оказались пингвинами. И представьте себе, что это невероятное приключение настигает вас в тюремной камере.

Книги были тут без ограничений. Каждый день — обмен книг, каждому — по желанию. И все было бы чудесно, если б вдруг не оказалось, что мы сидим вместе с агентами “Интеллидженс сервис”. Они предложили нам побег в Лондон. Как это, бежать отсюда — теперь, когда тут столько книг?! Да и не думают же они, что мы попадемся на такую дурацкую приманку. Что делать?! Я переговаривался со своим товарищем азбукой Морзе — стуча ему по колену, под одея-

лом. Он отстукал мне, что, как ему кажется, им вовсе ни к чему наше согласие, а надо им — чтоб мы их заложили. Как так, зачем это?! Ну как, если заложим — значит, вроде уже подписались сотрудничать с ГБ. И даже те, кого мы заложим, обрадуются. Скажут: ну, наконец-то! Приветствуем вас, братья, в семье стукачей! Так, может, лучше дать кому-нибудь из них по кумполу ножкой от столика? Ну нет! Тогда нас тут же заберут отсюда и посадят туда, где, как мы уже знаем, нет ни одной книги. Значит, надо как можно дольше притворяться, будто мы готовы согласиться на побег. И все время читать. Читать сколько влезет!

В конце концов спецотдел, видя, что мы ни бежать, ни сотрудничать не собираемся и толку от нас никакого, перебрал нас на общий режим. Тут уж даже шахмат не было, ничего... сиди, смотри в стенку. Заглянул я на шкафчик, а там — книжка, и никто ее не читает. Называется “Рак”. Брошюрка, страниц двадцать с хвостиком. Открываю: что за рак — человеческий, картофельный? Да нет, просто рак из реки. Сидел я в той камере больше полугода и читал, пожалуй, только чтоб буквы не забыть. До сего дня помню все эти рачьи *antennae*, *antennulae*.

Ах, как повезло! Неожиданно меня посадили вместе с полковником, у которого было разрешение на книги. Разумеется, марксистские, но некоторые были по-английски. Смотрю: “Introduction to Philosophy”. Уже не помню автора, но, как следовало из предисловия, это был офицер американской армии, который, сражаясь на Западном фронте, понял, что философию надлежит популяризировать, и, вернувшись с войны, написал эту книжечку. Много места он уделил солипсизму. Рассказал, как объяснял солдатам, что это такое, а они спрашивали: “А что, солипсист, когда увидит немецкий танк, посчитает его только комплексом своих ощущений

или конкретным предметом?” А философ отвечал, что танк, быть может, лишь сумма ощущений познающего субъекта, но все-таки лучше от него спрятаться. Звучало не слишком убедительно, но я радовался, что могу прочесть хоть что-то, чего не говорили ни Маркс, ни Ленин. К сожалению, скоро полковника забрали вместе с его книгами. На шкафчике осталась тощая брошюрка о выращивании хмеля. Она должна была служить доказательством, что заключенных не лишают книг.

Умер Сталин. Я был тогда в тюремном лазарете, и только благодаря его смерти мне прописали стрептомицин. Постепенно выкабкиваясь из туберкулеза, я мог уже не думать о кладбище и начать читать. А чтения было вдоволь. На сей раз — в самом деле. В общие камеры стали давать книги: Шекспир, Диккенс, Вольтер, Мольер, Конрад, Бальзак, Гюго, Мопассан, Флобер, Ромен Роллан, Толстой, Достоевский, Тургенев, Пушкин, Словацкий, Мицкевич, Реймонт... всех не перечислить. Выхода на волю пришлось дожидаться еще больше трех лет. Никогда в жизни у меня не было столько времени на чтение.

На волне октября 1956 года сквозь “железный занавес” в Польшу прорвалась запрещенная литература американских империалистов: Колдуэлла, Стейнбека, Хемингуэя, Дос Пассоса, Фолкнера. Она увлекла меня не только как обыкновенного читателя — я искал в ней образцов для собственной про-

зы. Мой первый тюремный рассказ я и сам признавал интересным лишь по теме, но мертвым по форме. Я задыхался под грузом литературы XIX века и знал, что должен сбросить с себя весь этот балласт с таким трудом раздобытого чтения. Но как тяжело с ним расстаться! В этой борьбе с самим собой на помощь мне пришли Хемингуэй и Камю. Обретением своего стиля я захлебнулся, как свободой. Отправляя в печать мой первый свободный рассказ, Юлиан Пшибось сказал: “”Уродец” прекрасен”. Так назывался рассказ.

Теперь вернемся к тому, с чего я начал. Станет ли экспансия культуры картинок чем-то вроде нашествия варваров на Рим? Неужели от памятников письменности останутся только обломки? Безусловно, часть из них будет переведена на язык картинок. Но как насчет моей любимой книги профессора Татаркевича, которую я купил, едва выйдя из тюрьмы? Я говорю об “Истории философии”. Что из философии можно показать на экране — “бритву Оккама”? А может, придет поколение философов, умеющих мыслить уже исключительно с помощью экрана? Я, прозаик, драматург, тоже мыслю образами, но как быть со словом? Станет ли оно всего лишь подпоркой, инструментом футбольного комментатора? Я уж не говорю о печати: неграмотность перестанет быть постыдной. И вот я пишу — наперекор всему. К великолепной, тысячелетиями возводимой постройке я хочу добавить еще хоть одно зернышко песка. Как термит на тонущей в океане Атлантиде.

Тадеуш Столяжевский

НА «ГАЗИКЕ» ПО РОССИИ

Вот уже почти пятьдесят лет я путешествую по Европе и Азии, используя самый разный транспорт. Однако последние 10 лет я езжу исключительно на автомобилях, которые самостоятельно восстанавливаю после того, как их выбросили на металлолом. В последнее время «катаюсь» на машине ГАЗ-69, которую в Польше, как и в России, любовно называют «газиком». Этот автомобиль был честью и гордостью Войска Польского, прослужив 25 лет передвижной радиостанцией в Варшавском военном округе. Пять лет тому назад я купил его у армии как металлолом за внушительную сумму: эквивалент поллитровки и солидной закуски. Потом — год моего упорного труда, и машина была готова к дальним путешествиям. На этом «газике» я ездил в одиночные путешествия по Карелии, центральной России и окраинам Украины. Результат поездок — это, в частности, семь проведенных в Варшаве фотовыставок, несколько печатных статей и три книжки, изданные небольшим тиражом. Во время путешествий я сплю и ем в машине — на обочине дороги, в лесу или в поле. Я никогда не уныл до ночлега в гостинице — впрочем, гостиницы мне не по карману.

В мае 2000 г. я намерен отправиться на своем «газике» во Владивосток через Сибирь. Это будет пятимесячное путешествие с целью заснять сибирские священные места, описать их, организовать в Варшаве одну или даже несколько выставок, а, возможно, и написать книгу.

В мае 2000 г. я намерен отправиться на своем «газике» во Владивосток через Сибирь. Это будет пятимесячное путешествие с целью заснять сибирские священные места, описать их, организовать в Варшаве одну или даже несколько выставок, а, возможно, и написать книгу.

Во время своих поездок по России, Афганистану, Индии, Непалу и другим странам я никогда не боялся, не опасался за свою жизнь. Я всегда верил, что люди добры и что если я окажусь в тяжелом положении, они мне помогут.

Мне хотелось бы поблагодарить безымянных россиян и белорусов за несколько человеческих подвигов, столь высоких, что порой трудно даже поверить, что они случились. В Америке или Западной Европе такое просто не могло бы произойти. Вот несколько избранных случаев.

В июле 1999 г. на Большой кольцевой дороге в Москве моя машина сломалась (заело двигатель). Попытка ремонта закончилась полным провалом, ибо это был польский двигатель от автомобиля «Жук», для которого невозможно было достать какие-либо запчасти. Оставалось отбуксировать машину в Варшаву, рассчитывая при этом лишь на помощь попутных водителей, так как денег в кармане оставалось всего ничего. Так и случилось! Почти 1500 км меня буксировали трое русских, трое белорусов и один поляк. И все это — задаром! Я не знаю ни их имен и фамилий, ни даже марок их автомобилей. Я был слишком измучен и в то же время поражен их бескорыстием, чтобы о чем-либо спрашивать. Пусть живут сто лет и даже дольше.

Летом 1998 г. в Гродно я случайно встретил Володю, который дал мне визитку своего друга и сказал:

— В Новгороде Великом живет один такой Сергей, он торгует «святой водой», и у него «приятная рожа» (прошу прощения: лицо).

Меня заинтересовали эти «святая вода» и «приятная рожа», а также тот факт, что близ Новгорода, там, где из озера Ильмень вытекает река Волхов, находится дохристианское священное место

Перынь. С большим трудом отыскал я фирму УСПАЛОН, наружный вид которой привел меня в уныние. Однако, перешагнув порог, я увидел стерильную чистоту и полуавтоматический завод по производству воды. На лестнице улыбающаяся «рожа» Сергея. Без лишних церемоний он угостил меня кофе и коньяком, будто я какой-то министр или еще Бог весть кто. Затем дал мне огромный альбом «Валаам» и приказал, на то он и директор, чтобы все мои канистры наполнили кристально чистой водой. Кроме того дал 70 литров великолепных соков. И, наконец, не допускающим возражений голосом заявил:

— Тадеуш! Поезжай официальным представителем фирмы к отцу Григорию в Санкт-Петербург, а оттуда на теплоходе — на четырехдневные религиозные торжества в Валаамский монастырь.

Я поехал.

Все складывалось как в сказке. Нахожу отца Григория, а он встречает меня с бананами в одной руке и прекрасной иконой Казанской Богоматери — в другой. И говорит:

— Это тебе для тела, а это — для духа. С Богом!

Сажусь в свой «газик» и еду переживать все это счастье. Мне казалось, что все это сон. Огромное количество напитков, бесплатная экскурсия на Валаам — о таком я и не мечтал! Ведь я — простой серый человек, путешественник с никудышным автомобилем, еще более невзрачный в своей одежке. На 40-м километре за Петербургом я остановился на огромной бензозаправочной станции, думая отдохнуть немного и спокойно переночевать. Начал стряпать себе нечто среднее между обедом и ужином, а тут подходит ко мне мужчина средних лет и на ломаном русско-польском языке начинает расспрашивать: откуда, куда и что я вообще тут делаю. Так как я хорошо расположен ко всем, стал отвечать на все вопросы. После этого он твердо заявил, что с этого момента и до выезда на Валаам я, как его гость, буду учить его дочек польскому языку. Предложение привлекательное. Выглядел он симпатично. И я согласился.

Какая великолепная семья: Сергей, его жена и дочери, сестра Наталья, художница, и мать Вероника — пожилая почтенная дама.

Большое вам всем спасибо!

Это благодаря вам на фотовыставке в Варшаве я мог показать Пискаревское кладбище, Шлиссельбург, Петергоф и много других мест в Санкт-Петербурге и окрестностях.

Еще одну золотую медаль я вручил бы (если бы был богатым) двум джентельменам из Сортавалы — города на Ладожском озере. Возвращаясь с Соловков, я решил заехать в этот город и собственными глазами посмотреть, что там осталось после упорных советско-финских боев времен II Мировой войны. Я остановил свой «газик» в самом порту Сортавалы. С правой стороны — остов затопленного корабля, с левой — заброшенный док. А на самом берегу маленькая, перевернутая вверх дном лодка. По обе ее стороны стояли два джентельмена и распивали из горлышка поллитровку «Столичной», причем без закуски. Я подумал, что это неэлегантно — выпивать без закуски. Даже неприлично. Взял я немного колбасы «салями», банку «тушенки», немного лука, хлеб и спросил:

— Можно за компанию, с закуской?

— Естественно!

Они мне и сказали, что в этом городе живет один из лучших в мире скульпторов. У него есть даже свой музей. Вполне приличный. Я, конечно, посетил этот музей. А те два джентельмена (я не знаю их имен и фамилий) совсем уж удивили меня. Они отдали мне ключи от дачи, сказав, что я могу там отдыхать сколько захочу. А когда надоест — просто положить ключ под половику. Это невероятно! Так доверять чужому человеку и сделать для него столько хорошего. Ведь они меня не знали, я мог оказаться каким-нибудь жуликом или даже «крутым, с Калашниковым». Бог мне свидетель, что я и в глаза не видел этого автомата, а тем более не умею из него стрелять. Но они-то этого не знали...

Таких добрых случаев и бескорыстной помощи было куда больше...

Богдан Ганцаж

ВОСПОМИНАНИЯ ВИЛЕНСКОГО ПРИОРА

Антоний Кучинский и Збигнев Вуйчик подготовили самое полное на сегодняшний день издание воспоминаний сосланного в XVIII веке в Сибирь отца Фаустина Тетерского. Проф. Виктория Сливовская назвала книгу «одним из самых замечательных сибирских документов». Настоятель (приор) виленского монастыря доминиканцев в 1797 г. был приговорен петербургским судом к нерчинской каторге за связь с действовавшими в Литве польскими тайными обществами. Несмотря на тяжелые испытания (слабохарактерный митрополит Станислав Богуш-Сестенцевич лишил его духовного сана; осужденный священник был закован в кандалы), о. Фаустин не потерял дара наблюдательности. Его воспоминания не сосредоточены на мартирологических сюжетах — в них множество интересных этнографических, географических и исторических фактов, касающихся Сибири и народностей населяющих ее.

Наблюдения ссыльного доминиканца не носят политического характера. О. Фаустин смотрит на окружающую его действительность прежде всего с точки зрения христианских нравственных ценностей. Отрицательно высказываясь о большинстве окружавших его русских, он, как правило, делает это потому, что отрицательно оценивает их личную и политическую нравственность. Однако он усердно отмечает добрые порывы российских чиновников. «Механизм перевоспитания уголовных преступников, а ведь именно они составляли подавляющее большинство ссыльно-каторжных, не мог действовать исправно, ибо больным — по крайней мере в западноевропейском понимании — было все российское общество, где коррупция, воровство и пьянство затронули прежде всего средние и высшие слои. Правительство было отражением этого общества. И это заметил Тетерский во время своего пребывания в России. Писали об этом и русские писатели. «Некоторые фрагменты книги Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» поразительно совпадают с тем, что описал о. Фаустин в главе о Нижнецове», — пишут издатели воспоминаний.

С симпатией пишет Тетерский о встреченных на своем пути черемисах, чувашах и тунгусах, представителях покоренных Россией народов. Он высоко оценивает их материальную и духовную культуру и считает ошибочным называть эти народы «дикими», как это было общепринято. «Их простая молитва почти дословно звучит так: «Боже, будь милостив ко мне. Боже, не оставь меня. Дай мне сынов и дочерей побольше. Наполни житницы мои. Дай хлеба, меда, здоровья, мира и согласия. Благослови дом мой, чтобы я мог принять, накормить и обогреть странствующих». Это невинные, простые молитвы, исполненные любви к себе и ближнему. Жаль, что народ этот не просвещен светом веры. Девственность их обычаев заслуживает внимания. У этого народа больше природной склонности к добру, чем у соседнего русского народа», — написал виленский приор о чувашах. О поведении юноши-бурята о. Фаустин с восторгом пишет: «Ах, Боже мой, сказал я, за что же мы называем этот народ диким? Кто научил юношу такой воздержанности? Кто велел ему быть великодушным? Кто привил ему чувство благодарности дающему? Отчего, не останавливаясь на собственной благодарности, побуждает он к подобному чувству других? Эти и подобные вопросы ставил я сам себе, проникнувшись уважением к сим детям, прямо от природы происходящим».

Автор пишет языком красочным и сочным. Иногда он облачает свои впечатления в форму глубоко впечатляющих рассказов, например: «Жизнеописание горбуна с берегов Байкала, родом из Бердичева». Воспоминания весьма неоднородны, литературные фрагменты соседствуют тут с обширными географическими и этнографическими описаниями Сибири.

Несмотря на то, что о. Фаустин начал писать свои воспоминания уже после возвращения из Сибири в 1801 г., пережитое не изгладилось из его памяти, и многое потом нашло подтверждение в других источниках.

Ценное приложение к «Воспоминаниям» — помещенный в русском переводе очерк Антония Кучинского «Дорога в ссылку священника-доминиканца Фаустина Тетерского» — краткая биография о. Фаустина и резюме его мемуаров. Жаль только, что из-за небрежной корректуры в очерке остались кое-какие фактические ошибки.

Фаустин Тетерский. Из самых интересных приключений одного поляка, вернувшегося из Сибири в 1801 году. Подгот. Антоний Кучинский, Збигнев Вуйчик. Варшава — Вроцлав, «Вспульнота Польска» — Национальный институт им. Оссолинских, 1998. 420 с. — На польск. яз.

Лешек Шаруга

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Уже в третьем подряд номере гданьского “Пшеглэнда политычного” (№43, 2000) продолжается дискуссия, начало которой положил очерк Анджея Валицкого “Правосудие на поводу у политики” (№40-41, 1999). Вводя читателя в ход дискуссии, редакторы пишут: “Правильно ли мы разберемся в проблеме расчета с коммунистическим прошлым в Польше после 1989 года, включая ее в контекст политической борьбы — борьбы, в которой каждая из сторон обращается к собственному опыту, уходящему корнями в пэзнеровское прошлое? Следует ли воспринимать каждую попытку свести счеты с коммунистическим прошлым как инструментализацию проблемы? Должно ли либерально-демократическое правовое государство сохранять беспристрастность в вопросе расчета с прошлым?” В предыдущий раз (№42, 1999) в дискуссию включились историк Анджей Пачковский, социолог Павел Спевак и автор этих строк. На этот раз высказался историк Войцех Рошковский, директор Института политических исследований Польской Академии наук. В своем очерке “Без конца о коммунизме” он пишет: “Отвергая “тотальное” осуждение ПНР, клеймя “манихейство” тех, кто признаёт существование добра и зла, Валицкий пришел к выводу, что демократическое правовое государство не может выносить приговор о том, какова истина о прошлом, и должно соблюдать в этом деле “беспристрастность”. Не знаю, отдает ли профессор себе отчет в том, что он написал. По сути он заявил, что невозможно выполнять договоры, выносить судебные приговоры, преподавать в школах и заниматься многими другими, зачастую важнейшими видами общественной деятельности”. И далее: “При оценке следует отличать теоретически-системную плоскость от нравственной и юридической. Необходимо подвергнуть коммунистическую систему и ее частный случай, претворенный в жизнь в ПНР, детальному анализу. Коммунизм был системой, вырастающей из утопии (...), насильственно установленной и упроченной. Уже после окончания в России гражданской войны там продолжался массовый террор и разворачивалась пропаганда, представлявшая систему как высшую стадию развития человечества. Были извращены самые основные понятия. Нарушение основополагающих принципов жизни общества называлось законностью. Диктатура называлась “демократией”, примитивная чистка мозгов — “наукой”, вооружение — “борьбой за мир”. (...) В Польше коммунизм устанавливали люди, которые прекрасно знали практику сталинизма в СССР, так что трудно понять их “идейность”. Может быть, несколько мягче следовало бы оценивать тех, кто принял коммунистическую веру, зная о ней не слишком много. (...) В общей сложности оценка коммунизма и ответственности за его противоестественные дела необходима нам для укрепления правопорядка и нравственного чувства общества. Однако это должна быть оценка конкретных деяний, за которой будет стоять санкция правового государства”. Наконец, обращая внимание на тот факт, что затемнение и извращение смысла основополагающих понятий — это один из приемов, которыми пользуются бывшие коммунисты, отвергающие безоговорочное осуждение ПНР, Рошковский замечает: “Итак, если польские либеральные, консервативные и национально ориентированные группировки, несмотря на слабую организованность и раздробленность, не испытывают серьезных затруднений с определением своих взглядов, то польские “левые” представляют немалую онтологическую и гносеологическую проблему. Их духовный облик в значительной степени основан на отрицании. Создается впечатление, что почти каждое предложение представителя “левых” — бывших коммунистов — хотели бы

начать с известной притяжки: “Неправда, будто бы...” Самоопределения они пытаются достичь собственным определением антитезиса или противника. Например, если “правый” противник исповедует принципы, то в понимании “левых” это, во-первых, ханжество, во-вторых — фундаментализм. Ханжество очевидно, раз никто не без греха, а вдобавок принципы ограничивают свободу, которой посткоммунисты поклоняются с жаром неофитов. (...) Сиротство польских “левых”, связанных с Союзом демократических левых сил, проявляется в их отсутствии памяти. Очень часто представители СДЛС ссылаются на славные традиции “польских левых”, однако при этом старательно избегают подробностей. (...) И все же, несмотря на неясное самосознание и на пагубное наследие прошлого, бывшим коммунистам удалось внушить полякам, что они — левые, а их противники — правые”.

И в самом деле в этом что-то есть. Есть между прочим и то, что делали коммунисты еще раньше, исключительно успешно используя языковые манипуляции, эти “лингвистические игры”, с помощью которых они присваивали себе левые традиции (даже если некогда это были традиции их противников) и в конце концов довели дело до того, что в сознании рядового поляка понятия “коммунизм” и “социализм” стали функционировать как синонимы. По тому же принципу они и ответственность за все, что творилось в Польше после войны, хотят разделить со всеми, желательно — с обществом в целом, исходя из того, что так или иначе, а все “вместе создавали действительность ПНР”. А если так, то сведение счетов с прошлым не имеет смысла или в крайнем случае должно оставаться сферой исследований историков, лучше всего будущих.

К будущему обращает нас и опубликованная в том же номере **“Пшеглэнда политычного”** статья Казимежа Вуйцицкого “Ясперс и польские счета с историей”: “Сегодняшняя почти полная партийность дискуссии об истории ПНР привела к тому, что в Польше почти нет места для подведения итогов истории. Сильнее всего представлены и лучше всего известны крайние позиции. (...) Ошибочно, однако, считать, что если это подведение итогов невозможно сегодня, то вопрос расчета с прошлым в Польше закрыт навсегда”. Верно, да только многим людям эта отдаленная “историческая справедливость”, пусть как нельзя более объективная и не впутанная в политические игры, кажется если не призрачной, то по меньшей мере чересчур запоздалой. Тем более что оценки, сегодня выносимые живым, в том далеком будущем охватят тех, кто и без того уже примирился друг с другом в Царстве, которое не от мира сего.

В том же номере журнала мы найдем и не только политические или, может быть, не совсем политические мотивы. Видный художник и эссеист Хенрик Ванек в очерке “*Vademecum memoriae*” рассказывает об исключительно интересной книге польско-немецкого поэта и эссеиста Петра Лахмана “Вызванное из памяти” — попытке описать утрату и позднейшее обретение в памяти родной земли автора, в данном случае Верхней Силезии, которая после войны была полностью передана Польше и заселена другими изгнанниками — теми, кто лишился своего места на земле на бывших восточных территориях Польши. Герой “Вызванного из памяти”, немец, переживает конец войны и еще несколько лет остается в городе, где родился, а затем покидает его, выезжая вместе с очередной волной немецких беженцев в Западную Германию. Читая книгу Лахмана, Ванек обращает внимание на своеобразный опыт, сопутствующий встрече писателя с памятью о Силезии и ее современностью:

“Не вполне “изгнанный”, он переживает утрату своей родины (и языка) на месте изгнания. Пустота, оставшаяся после выселенных, заполнена другими, чуждыми ему “изгнанниками”. Он поселяется (укрывается?) в их языке: изучает его, кончает школу и сдает экзамены на аттестат зрелости; становится студентом; в 23 года покидает свой временный “*Heimat*” [родину], чтобы оказаться среди земляков, нашедших эрзац родины в ФРГ, куда

их вытолкнули”. И далее: “Изгнание (выселение, выдворение, депортация — как ни называй) чаще всего заканчивается стабилизацией на новом месте. Человек живет независимо от рубцов и травм. Чувства блекнут и, можно сказать, умирают. Но память — живая могила, полная духов и привидений, готовых выйти наружу по зову автора. Или самопроизвольно, в силу своей собственной энергии. Взывать. Вызывать. “Proavos sepulcri evoco” [“Тени пращуров вызываю”], — говорит Цицерон, но думает при этом скорее о воскрешении в памяти. Ибо вызывать (духов) — это некромантия, но с другой, третьей и четвертой стороны — это запись, работа с камерой, проекция, обслуживание компьютера и т.д. Автор “Вызванного из памяти” имитирует работу фотографа, печатающего с уцелевших негативов позитивы “как живые”. Он копается в материалах. Выбирает. Кадрирует. Может быть даже ретуширует? Но — и это, пожалуй, самое главное — он встречается с диким зверем, с вольной птицей памяти, не знающей ни дня, ни часа. Memoria flat, ubi vult [Память дышит, где хочет]”.

Отвечая Ванеку, Лахман пишет в очерке “Та самая округа”: “Я — за ироничного кочевника, вечного странника, который признаётся, и не только самому себе, в том, что он меняется, в том числе и как “субъект”, под влиянием “внешних” импульсов, под впечатлением от городов, других людей, других тел, книг, фильмов и мыслей; и картин, конечно, тоже — как написанных, так и всего лишь воображенных, или фотографируемых одними глазами, или искусственно конструируемых в цепочках видеокадров”.

Это иллюстрирует стихотворение Лахмана “Город ничей”, начинающееся знаменательным обращением: “Город Бинека / город Ружевица / город мой / город ничей”. Город этот, Гливице, — действительно город немецкого писателя Хорста Бинека и польского поэта Тадеуша Ружевица, прожившего в нем несколько лет. Теперь он живет во Вроцлаве, городе, история которого не менее запутанна. Ее необычайность описывает Анджей Завада в очерке “Жители”*, опубликованном на страницах вроцлавской “Одры” (2000, №3). Называя Вроцлав “родиной кочевников”, он пишет:

“Для немцев 1945 год — это Vertreibung, т.е. “выдворение”, “изгнание”. Для поляков он должен означать то же самое, однако дальновидный государственный контроль над языком позаботился о том, чтобы не допустить вербализации эмоций, заключенных в подобном определении, и, следовательно, сделать невозможной объективную оценку как польской, так и немецкой судьбы. Политики хорошо знают, что историю могут изменять не только дела, но и слова. Вынужденный уход поляков с восточных земель Речи Посполитой и транспортировка их на восточные земли Рейха были названы “репатриацией”, т.е. возвращением на родину. Аналогичный вынужденный уход немцев с территорий, где они жили веками, был назван “переселенческой операцией”, а позже — “выселением”. Затем на протяжении десятилетий эти горестные схемы были закреплены”.

Приведенные тексты вводят нас в самое сердце дискуссии о современном самосознании поляков. Распаду централистской тоталитарной системы сопутствуют вопросы, касающиеся как ее характера, так и того, что рождается на ее обломках после полувековой принудительной жизни в порченном языке. С одной стороны, не могут не возникать вопросы об ответственности за то, что было, а с другой — многих увлекает попытка понять, что же на самом деле случилось, какова была на самом деле эта десятилетиями искажавшаяся история и что означают перемены, которые произошли после 1945 года и происходят до сих пор. С польской точки зрения, речь идет об оценке не только польской и немецкой судьбы, но и украинской, литовской, русской и белорусской, не говоря уже о еврейской — повсеместной на территории этого великого “края кочевников” или “республики полукровок”. Собственно говоря, этими проблемами занимается вся литературная периодика, но ведь они и просто темы литературы, создаваемой после 1989 года, которая считает вопросы самобытности как мест, так и людей до такой степени фундаментальными, что литературная критика

придумала для подобного рода писательства отдельное понятие — “коренная литература”**, та, которая выдвигает проблему корней (исторических, культурных, цивилизационных) на первый план. Особенно любопытным представляется тот факт, что эти вопросы занимают писателей относительно молодых, родившихся в 50-е или даже 70-е годы. Именно эта проблематика находит отражение на страницах таких журналов как ольштынская “Боруссия”, люблинские “Кресы” и “Акцент”, жешувская “Фраза”, щецинские “Погранича”, гданьский “Титул” или катовицкие “Опции” и “Шленск”. Именно на их страницах проблемы, связанные с заселением поляками “бывших немецких” или “бывших еврейских” территорий, т.е. тех, где в межвоенный период преобладали евреи или немцы, рассматриваются как основные.

Обращает на себя внимание очерк Катажины Венцлавской “Образ местечкового общества в творчестве Зингера и Шульца”, напечатанный в последнем номере “Кресов” (1999, №4), в конце которого мы читаем: “Итак, что же такое маленькие еврейские местечка: Дрогобыч Шульца, Фрамполь, Горай, Кшешув, Хелм и многие другие из рассказов Зингера — миф или действительность? Пожалуй, и то и другое. Миф, ибо их образ вытекает из глубоких, быть может, даже не вполне осознанных переживаний и раздумий писателей, модифицирующих картину тех мест. Действительность, ибо без конкретного, реального, исторического местечка произведения Зингера и Шульца вообще не могли бы возникнуть”. Это, конечно, история, но история, которая получила развитие как в англоязычной, так и в польской литературе: и там, и тут она вырастает из общего опыта.

Несколько иначе обстоит дело с современной литературой. В том же номере “Кресов” напечатан очерк Зыгмунта Зёнтека “Пространство и память. (Анджей Стасюк в поисках новой самобытности)”. Исследование это посвящено творчеству одного из самых шумевших писателей из числа родившихся в 60-х, автору нескольких сборников рассказов и двух романов. Можно сказать, что среди писателей молодого поколения Стасюк — самый последовательный сторонник “ироничного кочевника”, ибо, как пишет Зёнтек: “Стасюк в лучшем случае балансирует на границе открытого, неизведанного, неосвоенного пространства и — места, т.е. пространства выделенного, замкнутого, в котором можно вновь и вновь подтверждать существование мира и свою самобытность. (...) Обстоятельства, о которых повествует проза Стасюка, если читать ее целиком, объясняют, почему писателю было дано обрести ощущение своей самобытности в месте на редкость несвоем, неодомашенном, расположенном на границе известного мира и географической бесконечности и знаемом лишь благодаря посещениям — пусть даже частым. Именно такое место позволило Стасюку обрести самого себя из прошлого, ибо прошлое это было чрезвычайно неустойчиво”. Добавим: это касается не только Стасюка и его поколения — это касается Польши и поляков после 1945 года. И ничего удивительного, что именно проза и поэзия Стасюка, а также многих других: Стефана Хвина, Ольги Токарчук, Казимежа Браконецкого, Павла Хюэлле или Инги Ивасюв — становится важным литературным устремлением к переосмыслению судеб и истории послевоенной Польши.

* В польском оригинале очерк называется “*Miesz(k)añcy*”. Название это содержит в себе игру слов: “*mieszkańcy*” значит жители, “*mieszańcy*” — потомки от смешанных браков. — Пер.

** Еще одна игра слов. Слово “*korzenny*” по-польски имеет значение “пряный” (происходя не от “корней”, а от “кореньев”), в просторечии даже “бакалейный” — вспомним, что в старой России бакалейные магазины назывались лавками колониальных товаров, и это позволит в новом термине услышать намек на экзотику определяемой им литературы. — Пер.

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

✱ В феврале исполнилось 20 лет со дня смерти Ярослава Ивашкевича, прозаика, поэта и драматурга, многолетнего председателя Союза польских писателей. Анна Насиловская («Политика») констатирует: «Жизнь коротка, искусство длительно, как говорится в древнем изречении. Если мы посмотрим на то, что происходит вокруг Ивашкевича двадцать лет спустя после его смерти, нам покажется, что дело обстоит как раз наоборот». Сегодня наибольший интерес возбуждает именно жизнь Ивашкевича. О нем написаны две биографические книги, а недавно появилась повесть о его супружеской жизни. И только музей в его старом доме в Стависко (в Подкове-Лесной под Варшавой) свидетельствует о той атмосфере культуры, в которой протекала его жизнь: экспозиция напоминает нам о его книгах, а выдающиеся фильмы, снятые по его рассказам (хотя бы «Мать Иоанна от ангелов» Ежи Кавалеровича, «Барышни из Вилько» и «Березняк» Анджея Вайды) свидетельствуют о том, каким замечательным он был наблюдателем человеческих чувств.

✱ Вышел последний из шести томов дневников Зофьи Налковской (1884-1954), выдающегося прозаика и незаурядной женщины. «Дневники» подготовила к печати Ханна Кирхнер, снабдив их обширным комментарием, являющим полную картину эпохи, в которой довелось жить автору.

✱ В Национальной библиотеке в Варшаве читателям и прессе была представлена книга «Пандрёшка» Кристины Редлих-Курчаб (см. «НП», 2000, №2). Автор десять лет работала в Москве корреспондентом польской печати и телевидения. Заглавие книги произведено от веселой русской куклы-матрешки и полного несчастий ящика Пандоры и должно служить символом сегодняшней российской жизни.

✱ Польша была самым крупным экспонентом на Лейпцигской книжной ярмарке этого года: там было 135 польских стендов. На ярмарку пригласили многих польских писателей (Тадеуша Ружевича, Ежи Фицовского, Ежи Пильха и др.), а впервые присуждавшуюся премию книготорговцев — за книгу, способствующую взаимопониманию в Европе, — получила Ханна Краль (см. «НП» №3). Ханна Краль начинала как журналист и репортер и по сей день утверждает, что никакого сюжета выдумать не умеет — может только рассказывать, как и что было на самом деле.

✱ Видный британский историк Норман Дэвис (автор «Истории Европы», «Игрища Божьего» и др.) получил степень доктора honoris causa Гданьского университета. В обосновании решения ученого совета университета говорится, что степень присуждается «за выдающиеся научные достижения в исследовании прошлого Европы, за восстановление надлежащего места Польши в истории европейской цивилизации и за популяризацию истории Польши во всемирном масштабе».

✱ В марте, в 75-ю годовщину смерти Владислава Реймонта («Мужики», «Комедиантка», «Обетованная земля» и др.), второго после Сенкевича польского нобелевского лауреата, начались торжества Реймонтовского года. Они делятся на циклы

согласно роману «Мужики», четыре части которого соответствуют четырем временам года. Большой приток туристов ожидается в расположенных под Ловичем Липцах-Реймонтовских, где, по утверждению их жителей, происходит действие «Мужиков».

✱ В 70-й год жизни вступил свящ. Юзеф Тишнер, философ и пастырь, преподаватель Папской теологической академии в Кракове, писатель и эссеист. Его книга «Священник на бездорожье» занимает одно из первых мест в списках польских бестселлеров по разделу «литература факта».

✱ Среди авторов лучше всего продающейся польской художественной литературы на первых местах три писательницы — Иоанна Хмелевская, Малгожата Мусерович и Ольга Токарчук. В первой пятерке оказалась и книга недавно скончавшейся Агнешки Осецкой «Сантименты». Женщинам дорогу! — не только в Международный женский день.

✱ Новинка — создание в Интернете страниц, посвященных отдельным писателям. Страницы функционируют как клубы поклонников — впрочем, виртуальная среда дает им больший размах возможностей. До сих пор самыми интересными интернетными страницами могут похвалиться Анджей Сапковский (научно-фантастические романы), Иоанна Хмелевская, Малгожата Мусерович. Многие посещают и сайт Збигнева Ненацкого, ныне уже покойного автора романов для молодежи, некогда чрезвычайно популярных. Разумеется, клубы создают не сами писатели, а увлеченные их творчеством фанаты Интернета. Через Интернет в последнее время стали продавать билеты в театры и даже в кино. В интернетной галерее можно было видеть выставку фотографий из Чечни Кшиштофа Миллера, фоторепортера «Газеты wyborчей». Миллер был в Чечне четыре раза. На его снимках — драма чеченцев и русских, положение в этой северокавказской республике на протяжении последних пяти лет.

✱ К своему шестидесятилетию художник Ежи Дуда-Грач подготовил целых две выставки — свою персональную и выставку группы «Особые», в которую входят его друзья. Открытие обеих экспозиций состоялось в катовицком Силезском музее. Выставка «Дуда-Грач: Провинциально-уездные картины. Польские окраины, 2000» будет передвижной и в течение ближайших двух лет объедет всю Польшу. «Юбилей я рассматриваю как предлог публично отчитаться в своем творчестве последних лет... Иначе говоря, я использую юбилей, чтобы поделиться с людьми искусством. Не как именинным пирогом, а как буханкой черного хлеба», — сказал автор в интервью газете «Жечпосполита».

✱ «Сохранить веру в искусство» — так называется выставка в библиотеке Варшавского университета, посвященная творчеству Анны Ахматовой, Иосифа Бродского, Казимежа Вежинского и Збигнева Херберта. Этих писателей объединяет возникающая при их чтении идея, что искусство дает возможность устоять в любых обстоятельствах и перед лицом любой трагедии.

✱ В Варшавском городском историческом музее открыта выставка «Санкт-Петербург и Варшава на рубеже XIX-XX веков».

✱ Двойной вернисаж художников «Краковской группы» еще раз напомнил об этом заслуженном в истории польского искусства объединении, куда входили, в частно-

сти, Тадеуш Бжозовский, Мария Ярема, Тадеуш Кантор, Ежи Новосельский, Ежи Тхужевский, Анджей Врублевский. Их картины выставлены в галереях «Ренес» и «Этна».

✱ В Уяздовском замке в Варшаве, где размещена экспозиция современного искусства, на этот раз нашлось место для новейшего его вида — медиа-искусства. Два дня здесь показывали лучшие кино- и видеоработы с Европейского фестиваля медиа-искусств в Оснабрюке (Германия).

• В Варшаву из Эрмитажа доставлен шедевр Рубенса «Снятие с креста». Картина стала центральным пунктом выставки «Из традиций изображения Страстей Господних», открывшейся в Национальном музее к Великому посту.

✱ Из миллионов снимков выбрали чуть больше ста — так возникла выставка «Столетие поляков. 1900-1999». Сначала ее показали в Варшаве, потом в Риме, а сейчас она открыта в краковском Музее фотографии. Ее конечной остановкой станет польский павильон на Международной книжной ярмарке во Франкфурте-на-Майне. Каждый год документирован снимком — сжатая история поляков в XX веке.

✱ 27 марта отмечался Международный день театра. Накануне Союз артистов польской сцены присудил премии им. Леона Шиллера (крупнейшего польского театрального режиссера XX века). В этом году лауреатами стали балерина Каролина Юпович, юная солистка варшавского Большого театра, и актриса Эва Каим, дебютировавшая в 1992 г. и играющая в краковских театрах (в частности, исполнительница роли Леди Макбет).

✱ В варшавском «Театре вспулческом» («Современном театре») прошла польская премьера пьесы Рональда Харвуда «Квартет» (перевод Михала Роникера) в постановке Збигнева Запасевича. Отличный спектакль своим успехом прежде всего обязан исполнителям: четверых героев «Квартета» сыграли Майя Коморовская, Зофья Куц, Збигнев Запасевич и Януш Михаловский. Действие пьесы происходит в доме призрения старых певцов, где идут приготовления к очередному юбилею Джузеппе Верди.

✱ В Варшаве прошел 1-й Общепольский фестиваль эстрадного искусства, напомнивший публике о ее давних и новых любимцах. Вот какие выводы сделал из фестиваля Рышард Марек Гронский, в прошлом тоже замечательный мастер кабаре: «Кабаре, господа и дамы, живо. Оно очнулось от летаргии. Но теперь оно другое, меньше занимается злободневным комментированием событий в кабинетах власти. Языком эстрадного комментария сегодня стали сценические миниатюры, заменившие бесконечную болтовню».

✱ В варшавском Театре на Воле (Воля — один из районов столицы) прошел вечер «Маленькие пьесы с большими актерами». Было показано семь спектаклей, привезенных из разных уголков Польши, в которых выступили Ежи Стур, Тереза Будзиш-Кшижановская и др.

✱ Варшавский Большой театр, крупнейший в мире «театральный объект», пригласил публику за кулисы. В день открытых дверей любопытных не пустили только в некоторые технические помещения да в подвалы здания, так как часть подвалов все еще лежит в развалинах. Подземный ход должен был соединять подвалы театра с

королевским замком и ратушей. Возможно, в будущем их удастся восстановить и показать посетителям.

✱ На сцене того же Большого театра состоялась премьера оперы Кароля Шимановского «Король Роже» — музыкальной драмы, в которой отразились эстетические течения и интеллектуальные увлечения начала XX века. Монументальный спектакль поставил Мариуш Трелинский, дирижер — Яцек Каспшик.

✱ В Варшаве на 79-м году жизни скончался один из виднейших польских оперных певцов Анджей Хьёльский.

✱ В Варшаве прошел XXII спектакль-фестиваль «Старопольская музыка в старинных зданиях Варшавы». На этот раз героями музыкального зрелища были скрипачи Никколо Паганини и Кароль Липинский, а сюжетной канвой — музыкальный поединок между ними, происходивший в мае-июне 1829 г. в Варшаве во время коронации Николая I царем польским. На скрипке играл Петр Яновский.

✱ Книгу польского композитора Кшиштофа Мейера «Дмитрий Шостакович и его время» рецензенты признали одним из важнейших трудов о русской культуре, появившихся в Польше после 1989 года. Автор лично знал Шостаковича. Книга содержит весьма профессиональную музыковедческую часть и главу воспоминаний, воссоздающих картину русской культуры того времени.

✱ 13 марта исполнилось четыре года со дня смерти кинорежиссера Кшиштофа Кесьловского. В рамках ретроспективы, посвященной памяти режиссера, шли пять его художественных фильмов и шесть документальных.

✱ 26 марта в Голливуде Анджею Вайде вручена статуэтка «Оскара» — премия Американской киноакадемии за вклад в мировое киноискусство. Это событие праздновала вся Польша. В Лодзи, «столице польского кино», где находятся киноинститут и киностудия, целую ночь проходили встречи и хеппинги. В других городах шли кинофильмы Вайды. Показывает их и телевидение — начиная с самых ранних («Полколение» и «Канал»). Последний шедевр Вайды «Пан Тадеуш» по-прежнему не сходит с польских экранов, а в марте с успехом прошла его премьера в Париже.

✱ Новым министром культуры стал Казимеж Михал Уяздовский, член Консервативно-крестьянской партии, до сих пор занимавшийся в Сейме главным образом вопросами права и самоуправления.

✱ Все рекорды посещаемости побил ярмарка «Образование-2000», посвященная в этом году книгам для школы. Входящая в жизнь реформа народного просвещения привела к дополнительной заинтересованности ярмаркой, особенно со стороны молодежи. На стендах, кроме учебников, были энциклопедии, словари, альбомы и программы мультимедиа. Рынок книг для школы перестал быть монополией прежнего государственного концерна «Школьно-педагогические издательства». Теперь он интересуется все большее число издателей — книгам и школьникам от этого только польза.

✱ «Женщиной 1999 года» (звание, присуждаемое читателями женского журнала «Твой стиль») стала журналистка Моника Олейник, «которую боятся политики» —

как гласит обоснование награды. У Моники Олейник своя постоянная программа на частном телеканале ТВН, она выступает также по радио и пишет в прессе.

✱ Премьер-министр Ежи Бузек вручил премии за лучшие дома, присужденные при участии журнала «Архитектура-Murator». Премии присуждены по трем категориям (общественное здание, многосемейный жилищный комплекс и дом для одной семьи), лауреатами стали архитекторы Анджей Мулянда, Влодзимеж Муха, Хенрик Лагуна, Дариуш Хыц; Ольгерд Ягелло, Мацей Милобенцкий, Ежи Щепаник-Дзиковский, Виолетта Попель-Махницкая; Януш Качорек, Петр Шарошик.

✱ Ритм жизни в Польше веками определял церковный календарь. Исключительно долгий в этом году карнавал изобиловал балами, которые, как повелевает традиция, закончились точно в полночь последнего вторника масленицы. «На приличных масленичных балах, — пишет хроникер, — в полночь утихала музыка, гасли огни. Когда веселье кончалось, входил хозяин со связкой сельдей, привязанных к палке». В среду (т.н. Пепельная Среда — первый день Великого поста у католиков) посыпали голову пеплом, повторяя: «Из праха ты вышел и в прах возвратишься». Начинался Великий пост. Пасха у католиков в этом году поздняя — 23 апреля.

✱ По приглашению посольства Польской Республики Россию посетили видные польские литературоведы-полонисты и писатели: профессор Анджей Менцвель, автор многих книг о творчестве польских писателей, в том числе о Станиславе Бжозовском, и профессор Гданьского университета Стефан Хвин — литературный критик и прозаик (автор романов “Эстер” и “Ханеманн”). В МГУ и РГГУ польские гости встретились с научными сотрудниками РАН, преподавателями и студентами обоих университетов, критиками и переводчиками польской литературы. Они встретились, в частности, с Ксенией Старосельской — переводчицей романа С.Хвина “Ханеманн”, который был напечатан в “Иностранной литературе”. Затем оба польских гостя посетили Санкт-Петербург, где провели встречи с научной и литературной общественностью.

✱ В Санкт Петербург переехала подготовленная польской Национальной библиотекой выставка “Из России и о России”, которая до этого два месяца экспонировалась в московском Литературном музее им. Пушкина.

✱ На фестивале “Звучит Москва” мужской хор варшавского католического кафедрального собора св. ап. Иоанна получил диплом лауреата третьей степени. Хор дал также концерт в католической церкви в Москве. Польский хор, вероятно, выступит в августе на торжественном открытии восстановленного костела в Тобольске.

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА ИЛОВАЙСКАЯ

5.XII.1924 — 4.IV.2000

Со смертью И.А.Иловайской-Альберти в духовной жизни России возникла невосполнимая брешь. Ирина Алексеевна была живым символом, олицетворением тех черт русской культуры, которые вызывают восхищение, невзирая на разнородность политических обстоятельств и оценок. Никто не может сознавать этого лучше, чем поляки. Именно Иловайская (возглавлявшая редакцию “Русской мысли” еще в памятном 1980 году) на страницах своей газеты защищала Польшу в ее тяжелейшие минуты; именно из статей, собранных с этих страниц, был составлен том о “несломленной Польше”. И именно Ирина Алексеевна первая сердечно приветствовала рождение “Новой Польши”, проложив ей путь к российскому читателю. Мы не забудем об этом.

Однако нашу память она заслужила не только потому, что сама помнила о Польше. Эта необыкновенная женщина своей деятельностью наметила и расширила новые границы европейской мысли. Ибо она и ей подобные — эмигранты и диссиденты — на протяжении долгой коммунистической ночи доказали, что иная, лучшая Россия все еще жива. Но и это еще не все. В своих многочисленных статьях и в красноречивых передачах московской радиостанции “Благовест” Ирина Иловайская предлагала своим соотечественникам путь к выходу из *обвала*: такой, который мог бы обеспечить России благополучие, развитие и дружеские отношения с соседями. Она без устали убеждала, что для этого не нужно захватов и ограничения свобод — как чужих, так и, прежде всего, собственного народа. Пример ее стойкости и великодушия обогатил лучшие традиции русской интеллигенции.

*От имени сотрудников “Новой Польши”
Ежи Помяновский*

о. Михал Чайковский

О СТАРШИХ БРАТЬЯХ ПО ВЕРЕ

Беседа с Катажиной Яновской и Петром Мухарским

О. Михал Чайковский (род. 1934, Хелмжа), священник Вроцлавской епархии, профессор, доктор библеистики, церковный ассистент редакции журнала «Вензь», заведующий кафедрой экуменического богословия Академии католической теологии. Автор ряда книг, в т.ч. «Народ завета» (1992), «Экзистенциальное чтение Библии» (1993), «Галилейские споры Иисуса» (1997).

— Папа Иоанн Павел II, говоря о евреях, пользуется термином «старшие братья по вере». Это выглядит естественным, но на протяжении веков было немыслимо так их называть. Когда разошлись пути христианства и иудаизма?

— Пути Церкви и Синагоги начали расходиться после разрушения Иерусалима (70 г. по Р.Х.), когда из всего богатства течений иудаизма сохранилось только фарисейство (я употребляю этот термин в описательном, а не в оценочно-отрицательном смысле) — кстати, близкое Иисусу течение. В связи с национальной катастрофой фарисеи начали спланиваться, чтобы спасти религиозную и национальную самобытность. Это совершалось и путем отделения от тех, кто верил иначе, — прежде всего от учеников Иисуса. А с другой стороны, и сами ученики Иисуса обнаруживали свою особую, специфическую самобытность.

Раннее христианство было сильно укоренено в лоне иудаизма, но уже обладало христологическим догматом, троичным догматом, так что нет ничего удивительного в том, что пути неизбежно разошлись. Однако, на мой взгляд, это произошло слишком рано и слишком

радикально. Под конец I в. дело дошло до исключения евреев-христиан из иудейской религиозной общины.

— История наших разошедшихся путей продолжается двадцать столетий. Кем стали на протяжении этих веков евреи для христиан и христиане для евреев?

— Евреи для христиан стали чужими. Более того — людьми, проклятыми Богом, теми, кто в ослеплении и злоумышленно не принял Мессии, а своим рассеянием дал миру живое доказательство тяготеющего над ними проклятия.

— Они были знаменем наказания...

— Да. Потому-то возвращение евреев на Святую Землю и создание Государства Израиль были невыгодны тем, кто гласил и поддерживал этот тезис.

А для приверженцев иудаизма евреи, ставшие учениками Иисуса, были отступниками, предателями, которые во времена гонений перешли на сторону врага, не проявили солидарности со своим гонимым народом.

Однако иудейская сторона не всегда так отрицательно оценивала христианство. Были великие иудейские богословы, например Маймонид, рассматривавшие христианство как подготовку к пришествию Мессии.

— Еврей, принявший крещение, автоматически переставал быть евреем, хотя еврея, обратившегося в мусульманство, не обязательно исключали из общины.

— Это верно. Ведь мусульманин не исповедует, как христианин, воплощение Сына. До сих пор многие евреи крайне отрицательно смотрят на тех, кто утверждает, что, отойдя от иудаизма и став христианами, они пришли к полному осознанию своей иудейской религии или же что, будучи христианами, они по-прежнему остаются евреями — как, например, кардинал Люстиже, архиепископ Парижский. Он уверен, что благодаря христианству ему во всей полноте открылось его иудейство. Для многих евреев это неприемлемо.

— Чем, собственно, была христианская религия для евреев? Ересью, которая имела свои корни в иудаизме и внезапно восторжествовала во всем мире, одновременно становясь источником смертельной опасности?

— Начну с упоминания об известных мне случаях, когда вполне ортодоксальный еврей дружил с евреем, перешедшим в христианство, — так что эта вражда носит скорее теоретический, а не практический характер.

Иудейский взгляд на христианство менялся. Вначале, в силу того, что иудаизм был весьма плюралистическим, христианство вменялось в богатство его вариантов. Потом на него стали смотреть как на некую ересь, особенно когда христианство подверглось эллинизации и начало принимать вселенский характер или когда оно предпринимало попытки хрис-

тианизировать Ветхий (точнее, первый) Завет. Но я еще раз хочу подчеркнуть, что на протяжении веков не оставалась незамеченной и положительная роль христианства. Евреи со знавали и сознают, что христианство внесло в языческие народы веру в Единого Бога Израиля.

— Один из вечных вопросов, которые христиане задают себе и евреям: почему иудеи не узнали Мессию?

— Вспомним для начала старую христианскую истину о том, что вера есть дар благодати, — и очень многие евреи этот дар приняли. Вся раннехристианская Церковь была еврейской, и к язычникам христианство пришло благодаря евреям. Во-вторых, мнение о том, что ветхозаветные пророчества настолько очевидны и недвусмысленны, что их можно не принять только при отсутствии доброй воли, — это наше сегодняшнее представление.

— А разве это не так?

— Нет, не так. Хотя бы потому, что часто они относятся к самому народу Израиля или к его вождям, царям из дома Давидова, и лишь христианство истолковало их христологически. Дело ведь обстоит не так, будто сначала были пророчества, а из этих пророчеств мы сделали вывод, что Иисус — Мессия. Нет, сначала была христианская вера в то, что Иисус действительно послан Богом, и только потом, в соответствии с экзегетикой тех времен, которую сегодня мы не всегда ясно понимаем, начали искать подтверждений в Библии. К тому же многие мессианские обетования еще не исполнились. Мы вместе чаем их исполнения в День Господень.

— Вы где-то написали, что иудеи не узнали Иисуса «по вине» Самого Бога.

— Да, но именно в кавычках, ибо Он так щедро одарил их — избранничеством, любовью, заветом, — что им казалось, будто они уже не нуждаются в новом Откровении. Ведь народ Израиля — не языческий народ, не народ идолопоклонников, которому только предстоит искать Бога; это народ твердого завета, заключенного с Богом Истинным, завета, который и по сей день не отменен.

Откуда взялся термин «Новый Завет»? Из Книги Иеремии, который отнюдь не имел в виду, будто прежний завет будет перечеркнут и заменен новым. Речь шла о новом качестве, о законе Божием, высеченном в человеческих сердцах. Так и следует понимать новый завет, который Иисус заключил Своею Кровию. Новый завет не перечеркивает прежних, хотя, разумеется, христиане не обязаны соблюдать те части Торы (Пятикнижия Моисеева), которые носят чисто обрядовый характер. Зато, например, Десятисловие (Десять заповедей) по-прежнему для нас обязательно — это существенная часть обновленного завета.

— Спор идет, собственно, об Иисусе Христе. Кто такой Иисус для евреев? Мы с недоумением узнаём, что на протяжении веков иудеи даже не знали, что Иисус был евреем. Да и христианам это не часто приходило в голову.

— Сегодня в поезде по дороге в Краков я читал воспоминания одной еврейки, обратившейся в христианство. Когда она была ребенком, кто-то подарил ей Новый Завет. Это увидела мать. Она со страшной злостью рвала Евангелие — страницу за страницей, жгла их в печке, а потом сказала: «Человек, о Котором здесь рассказано, веками подвергал нас гонениям. Из-за Него появились концлагеря». Выросши, эта девочка еще раз встретила Новый Завет и узнала, что «этот Человек», Иисус Христос, был евреем. О чем это свидетельствует? Свои вековые несчастья евреи приписывали Иисусу, ибо их гонители ссылались на Его имя. Поэтому в иудейской литературе Иисус практически не упоминался, а если упоминался, то в отрицательном свете.

— *Те, кто защищал евреев, тоже ссылались на Иисуса.*

— Не забудьте, что таких, как епископ Спиры, который с оружием в руках защищал их от крестоносцев, было немного. Это редкие случаи.

— *С течением времени отношение евреев ко Христу, наверное, меняется?*

— Евреи говорят, что Иисус возвращается к Себе на родину. С тех пор как мы начали признавать иудейство Иисуса, евреи начали видеть в Нем брата.

— *Разве это не было очевидно с самого начала?*

— В самом начале это было очевидно, но потом эта очевидность постепенно исчезла...

В христианской догматике Иисус — не только Человек, но и Сын Божий. В церковном вероучительстве настолько подчеркивали Его божественную природу, что она поглотила человеческую. Если Он и оставался Человеком (тут уж ничего не поделаешь: это догмат), то в этой человеческой природе Его иудейство становилось малозначимым.

В наше время, в эпоху «послеосвенцимского богословия», когда Церковь иначе взглянула и на евреев, и на Иисуса, появились и такие мнения, что-де Иисус был Человеком вселенским (например, такую мысль проводит один из профессоров-мирян моей академии), а то, что Он был иудеем, — факт случайный, чисто исторический. Это, разумеется, противоречит христианской догматике.

— *Подвергается ли сомнению тот факт, что Новый Завет укоренен в Библии, т.е. в иудейских традициях?*

— Да, есть люди, даже преподаватели католических учебных заведений, которые стремятся приуменьшить значение иудейских корней христианства. Учение Церкви как-то не проникает в сознание некоторых христиан и даже некоторых богословов.

— *Вы сказали, что евреи все чаще считают Иисуса выдающимся представителем своего народа, но они же не могут признать Его божественную природу?*

— Еврей, который уверует во Иисуса Христа как Сына Божиего, станет христианином, чему мы только порадовались бы. Однако мы не можем этого требовать: обращение не есть цель христианско-иудейского диалога.

Проблема Мессии сложнее. Есть евреи, даже раввины, которые считают, что Иисус был Мессией, но безуспешным, и ждут следующего.

— *В каком смысле безуспешным?*

— Не забудем о пророчествах. Их можно толковать по-разному, но некоторые из них ясно говорят, что с пришествием Мессии на земле наступит мир, символизируемый хотя бы тем, что мечи будут перекованы на орала; что наш мир станет миром человеческой солидарности, гармонии. Еврей выглядывает в окошко и говорит: «Мир не изменился — значит, Мессия еще не пришел».

Не забудем ту сцену суда над Иисусом, где Его обвиняют в кощунстве. Речь шла не только о том, что Он называл Себя Сыном Божиим. Что же это за Мессия, Спаситель народа, Которого оккупанты держат в узах? Надежда на пришествие Мессии связана здесь с политическими переменами — переменами образа управления нашим миром.

— *Существует мнение, что евреи на место Мессии поставили весь народ...*

— Мы слишком легко делаем подобные обобщения. К мессианским чаяниям существуют разные подходы, разные течения в иудаизме. Очень многие евреи ожидают Мессию — личность — это основное течение иудаизма. Другие чают лишь Царствия Небесного. Есть и такие, кто считает, что пришествие наступило с созданием Государства Израиль, хотя есть и евреи, вообще не признающие этого государства, так как его может основать лишь Мессия. Есть и неверующие евреи, которые уже ничего не чают, как это происходит и со многими христианами.

Мы одухотворили наши мессианские чаяния. Евреи же подходят к этому практически: Мессия должен изменить облик мира сего.

А с другой стороны, мессианские чаяния соединяют евреев и христиан. Мы, христиане, веруем, что в Лице Иисуса из Назарета Мессия уже пришел, но лишь положил начало Царствию, которое во всей полноте еще не наступило. Наш мир в действительности еще не представляет собой обетованного Царствия Небесного — в этом мы согласны с евреями. Хотя со времен пришествия Христа, несмотря на все наши грехи, на всю нашу непоследовательность, мир сей все-таки стал чуточку лучше.

— *Практические вопросы мы откладываем до второго пришествия?*

— Вопреки этому разговорному выражению, мы чаем не второго пришествия, не возвращения. В Новом Завете употреблен греческий термин «парусия», означающий присутствие и окончательное пришествие во славе. Евреи и христиане чают первого полного пришествия Мессии, и это нас соединяет.

— *Веками нас учили, что Церковь заняла место Израиля в истории спасения...*

— До недавнего времени это был общепринятый тезис. Меня тоже так учили. Но сегодня он противоречит вероучению Католической Церкви. Церковь не заняла место Израиля, не заменила его. Церковь, христианство, все мы вступили в единый народ Божий. Вместе с иудейством мы составляем расширенный Израиль — не новый, а только расширенный. Отец Даниэль Руфейзен убеждал в этом Иоанна Павла II. После разговора с ним Папа принял этот термин — «расширенный Израиль». Граница между истинным Израилем Божиим и ложным проходит не между иудеями и христианами, а сквозь иудаизм и христианство.

— *Что знаменует собой Израиль для христианина?*

— Для христианина он есть знамение верности Божией завету, верности Бога единому данному слову. Еврейский народ — народ-богоносец, веками несший среди языческих народов имя Бога Единого. Мы тоже нуждаемся в этом знамении, потому что временами нам угрожает идолопоклонство. Израиль — это неустанное предостережение...

— *Церковь тоже несет слово Божие, Того же Самого Бога...*

— И поэтому пути Церкви и народа Израиля сегодня все чаще пересекаются...

— *Если все так хорошо, то почему все так плохо, а бывало и совсем плохо? Откуда берется такой сильный христианский антииудаизм, а часто и антисемитизм? Откуда это бралось раньше?*

— Антисемитизм, антииудаизм изобрели не христиане. Это существовало еще до христианства в кругах греческой и египетской интеллигенции. Возникали антииудейские, прямо-таки антисемитские сочинения. Горько, что христиане заимствовали антииудейские аргументы из арсенала язычников, тем более что впоследствии язычники пустили в ход те же аргументы против христиан...

Мы говорили о том, что пути Церкви и Синагоги разошлись в конце I века. Во II веке уже распространялось первое антииудейское сочинение — «Послание Варнавы». В том же веке епископ Сардийский Мелитон впервые употребил по отношению к народу Израиля термин *deicidium* — богоубийство. Лишь II Ватиканский собор в декларации об отношении Церкви к нехристианским религиям («*Nostra aetate*») отмежевался от обвинения в богоубийстве.

— *По прошествии почти двух тысяч лет.*

— Да. Христианство все больше воспринимало греческую, эллинистическую культуру, отходило от своих иудейских корней. Оно начало присваивать себе всю Библию, толковать ее христологически и отдаляться от иудеев. Впрочем, иудеи, защищаясь от христианства, тоже замыкались в своем кругу. Так наступало все большее взаимное отчуждение.

— *Становясь вселенским, христианство переставало быть направленным лишь против иудеев и приобретало направленность также против иудаизма. Заражалось ли оно этим от язычников, среди которых вело свою проповедь?*

— Похоже на то. Чем больше язычников вступало в Церковь, тем сильнее было искушение отмежеваться от иудеев, показывать их новым христианам в черных красках. Это была борьба за души, которая велась за счет народа Иисуса Христа.

— Хотим мы того или нет, но по прошествии двадцати веков крест вызывает у евреев все те же ассоциации: для них это знак гонений. Действительно ли христианство было в Европе главным источником антисемитизма?

— На протяжении веков христианство было главным источником антииудаизма, псевдодобогословского, псевдобиблейского и зачастую приводившего уже к биологическому, расистскому антисемитизму. В XIX-XX вв. возникли расистские идеологии, которые не имели больше ничего общего с христианством, были прямо-таки антихристианскими, но использовали антииудейские мотивы, заимствованные из христианства.

— Одна ли только религия была причиной вражды к евреям?

— Эта вражда имела экономическую или социальную почву, а религиозные мотивы давали ей оправдание. Очень часто дело было в экономической конкуренции.

— Знаменитым стало молчание Папы Пия XII, который во время войны вообще ни разу не произнес слов «еврей» и «иудаизм», хотя евреям, особенно в Риме, помогал. Если бы Католическая Церковь повела себя во время II Мировой войны иначе, то как вы думаете: не оказалась бы судьба евреев иной?

— Я уверен, что если бы голос Церкви звучал яснее и громче, то судьбы еврейского народа сложились бы иначе. Если бы немецкие епископы объяснили своей пастве в пастырских посланиях, что творится преступление, что верующие не могут в нем участвовать, то, вероятно, многие немецкие солдаты отказались бы выполнять преступные приказы. В Польше у иерархии рот был зажат оккупантами, но если бы мы по приходам напоминали, что еврей — наш брат, то, может быть, большее число поляков преодолело бы страх и помогало бы евреям. Это относится и к голосу Папы. Мы хорошо знаем, что успешность так же важна, как пророческая проповедь, и что Папа выбрал путь успешности. Он приказал открыть гонимым итальянские монастыри и сам открыл им врата Ватикана. По дипломатическим каналам, через нунциев, он призывал епископов оказывать помощь евреям.

— Но молчал...

— Молчал. Как католик я испытываю сожаление о том, что не прозвучал мощный пророческий голос, хотя и знаю, что результаты этого могли бы оказаться горестными. Когда голландские епископы выступили в защиту евреев, немцы арестовали всех крещеных евреев и отправили их в Освенцим. Среди них была Эдит Штейн.

— Неужели для того, чтобы Церковь назвала антисемитизм грехом, должна была наступить Катастрофа еврейского народа?

— Папы предшествующих столетий не раз защищали евреев, но ни антисемитизм, ни антииудаизм ни разу не были названы грехом. Ключ к этой тайне — как раз в понятии

Катастрофы. Она стала таким потрясением для христианства, что, наконец, пришлось определить любые антиеврейские установки как грех, ибо мы поняли, к чему приводят века обучения презрению.

— Дошло до того, что две самые близкие друг другу религии, исповедующие Одного и Того же Бога, стали самыми далекими друг от друга — в силу вражды, предрассудков и стереотипов. Теперь возникает христианско-иудейский диалог. С какой целью? Только ли из страха повторения Катастрофы?

— Вероятно, в основе диалога лежат эти опасения. С христианской стороны — еще и попытка исправить зло, за которое мы отвечаем. Но важнее всего мотивы положительные: мы открываем общность веры.

— Диалог предполагает партнерство двух сторон. Часто можно слышать упрек: христиане, мол, ведут диалог на коленях, так как у евреев всегда в запасе козырной аргумент — Катастрофа.

— Нет диалога без предварительного признания своей вины. Многие евреи протестуют против случающихся среди них попыток возвести Катастрофу в ранг некоей новой «еврейской религии». С богословской точки зрения, согласно объяснению Папы, Катастрофа была ударом по спасительному Промыслу Божию. Не только удар по евреям, но и по Богу: бросали на костер и подвергали все소жжению народ Божий, которому Бог был верен, возлюбленную Божию.

— Является ли этот диалог богословским и для евреев?

— Для евреев это чаще всего диалог практический. Им попросту важно, чтобы было пересмотрено преподавание религии, чтобы прекратилось обучение презрению, чтобы не было антисемитских выхонок и т.д.

— Чтобы слова «кровь Его на нас и на детях наших» не использовались как оправдание преступлений?

— Да. Разумеется, христианству важнее затрагивать богословские вопросы, так как оно обладает иудейскими корнями и без иудаизма ему не обойтись. Иудаизм же — религия автономная, он в принципе не нуждается в христианстве. Поэтому многие евреи спрашивают: «Зачем этот диалог? Уладим те или иные практические, спорные вопросы — и оставим друг друга в покое». Тем больше я восхищаюсь теми иудейскими богословами, которые, несмотря на противодействие в своей среде, несмотря на разные инциденты, продолжают вести с нами богословский диалог, и оказывается, что нам есть о чем друг с другом говорить, есть о чем писать.

В этом году издан ватиканский документ «Не забудем. Размышления о Шоах» (о Катастрофе). Это документ и богословский, и практический. Его весомость в польском контексте состоит и в том, что он появился в момент, когда в Польше началась нехристианская война за установку распятий в Освенциме.

Этот документ призывает нас пересмотреть наши взгляды, признать вину христиан и понять, что такое Освенцим для евреев... В нем, в частности, сказано, что нет будущего без памяти — это еще короче передано там двумя латинскими словами: *memoria futuri* — память будущего. Мы должны обращаться к прошлому, брать за него ответственность, но не для того, чтобы замыкаться в минувшем или упиваться своей греховностью, а ради очищения.

— Мы знаем, из каких побуждений ведется этот диалог, но способны ли мы себе представить, к чему он ведет? Не будем ли мы предаваться диалогу до конца света?

— Диалог, можно сказать, заложен в природе человека. Это не что-то временное, что в тот или иной момент должно закончиться. Да, этот диалог, вероятно, будет продолжаться до конца света. Лишь бы в результате мы приняли друг друга и вместе жили в чаянии Царства Божия.

— А не смягчаем ли мы тут спор? Когда, по Священному Писанию, должна исполниться полнота времен? Когда Израиль уверует.

— Что будет в конце времен, предоставим Господу Богу. И уверуем прежде всего сами. А если говорить об этом тексте апостола Павла, то его можно толковать по-разному. Но самое главное в нем (и существенное для нас) — слова «весь Израиль спасется».

— Во всяком случае в конце времен придет Мессия. Только тогда начнется воистину великий спор и мы, иудеи и христиане, забросаем Его вопросами: «Это Твое первое или второе пришествие?» И что Он нам ответит? «No comments»?

— Это остроумно, но не слишком пригодно для богословия. Перед нами воистину, как говорит ап. Павел, великая тайна. Не будем пробовать заглянуть Богу в карты. Священное Писание здесь многозначно. Я лишь надеюсь, что все мы встретимся в долине Иосафата и преодолеем все наши непонимания и разделения. А как это будет — предоставим Ему.

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

Москва 10 марта 2000г.

Уважаемый пан Помяновский!

Вероятно, не все об этом знают, и, скорее всего, Вы – первый, кому я сообщаю лично и конфиденциально: журнал «Новая Польша» получился. По одной простой причине: это журнал, который одни интеллигенты делают для других. Издатели и авторы точно знают: читателю интересно то, что интересно им самим. То, что происходит сейчас, и что было год назад, пять лет назад, двадцать или сто пятьдесят. Общая история, общие корни и, значит, есть база для сравнения.

Как называется занавес, разделяющий нас последние годы, не знаю. Может быть, «бумажный», но не как «тигр». А если «бархатный», тоже не как «революция». Вот журнал Ваш и есть окно в этом занавесе, а в окно смотреть всегда не скучно, и когда на улице светло, и когда темнеет... Что там у них происходит, и как они сами на это смотрят? Как дела с инфляцией, на каком «форде» ездит крестьянин, и кто сейчас Бальцерович – обвиняемый, или кумир, или всего лишь персонаж из прошлого?

У журнала верная позиция – внутри политики и над политикой одновременно. И очень она противна, и жить без нее невозможно. Политика дергается туда и сюда, – что с нее возьмешь, так она устроена. Мы можем ссориться, всерьез и по пустякам, но мириться – все равно придется, а главное – хочется. Мы соседи, и соседями быть не перестанем. И что касается «окошка», можно не сомневаться – вы уже протерли стекла, а мы привыкаем смотреть. «Что там у них сегодня на обед?» – тема вечная, уверяю Вас. И не только для интеллигентов...

С почтением,
Георгий Халтурин.

В «Новой Польше» № 2 за 2000 год опубликована подборка стихотворений Тадеуша Ружевица, в которой, по неясным причинам, мне приписаны два перевода, автором которых я не являюсь: «Вижу безумцев» (перевод Леонида Черевичника) и «Воскресение фильма» (перевод Владимира Корнилова). Надеюсь, что в будущем редакция не допустит подобных «ляпов» (как и опечаток, появление которых в поэтическом тексте особенно досадно).

Андрей Базилевский

“НОВУЮ ПОЛЬШУ”

можно купить в следующих магазинах:

В Москве:

“Эйдос”

(Чистый пер., д.6, стр.2)

“Графоман”

(ул. Бахрушина, д.28)

“Ад Маргинем”

(1-й Новокузнецкий пер., д.5/7)

“Русское зарубежье”

(ул. Нижняя Радищевская, д.2)

“Летний сад”

(ул. Б. Никитская, д.46)

“Магазин исторической книги”

(Старосадский пер., д.9)

“Букинист”

(ул. Остоженка, д.53)

“Гилея”

(ул. Б. Садовая, д.4)

Киоск в Центральном доме литераторов

(ул. Б.Никитская, д.53)

В Санкт-Петербурге

“Книжный салон” филологического факультета СПбГУ

(Университетская наб., д.11)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

- Л.Бальцерovich: Существует ли третий путь
Г.Владимов о своей книге
К.Курчаб-Редлих: Пандрёшка
А.Кучинский о Яне Чекановском
В.Бересь о «Газете выборчей» и «Тыгоднике повшехном»
Д. Ольбрыхский: Как ужиться с соседом?
А. Липатов: Трудное соседство
Наши люди: сестра Хмелевская
А. Ермонский: Вы Гомбровича не читали?
С. Ларин: О Рышарде Капусцинском
Р. Капусцинский: Неизвестная глава из известной книги
«101 путь выхода из коммунизма». Дискуссия Дарендорфа, Скидельского,
Бжезинского, Кон-Бендита с Гавелом,
Кишем, Мазовецким, Смоляром, Михником.
Е. Стемповский: Поляки у Достоевского
Я. Видацкий: О Юлиуше Меровшевском
И. Славич: «Контра» и ее автор Юзеф Мацкевич
А. Шиманский: Сруль из Любартова
П. Мицнер: О субкультурах молодежи
Рышард Пшибыльский: О Бродском, Ахматовой, Мандельштаме
К. Яновская и П. Мухарский: Беседы к концу столетия с
Е. Помяновским, Ю. Тишнером, Л.Колаковским,
Б.Скаргой, Г. Херлинг-Грудзинским и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ

- Вата, Милоша, Стахуры, Шимборской, Твардовского и др.
в переводах
Бродского, Базилевского, Астафьевой, Британишского,
Горбаневской, Свяцкого и др.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРЕДСТАВЛЯЕТ
ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ
РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША

СЛЕДУЮЩИЕ ЖУРНАЛЫ:

Dialog

Ежемесячник, посвящённый современной драматургии.

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник для читателей, библиофилов, библиотечных работников и издателей. В каждом номере обзор новостей, рецензии, статьи об издательском деле, анонсы, библиографии.

НОВАЯ ПОЛЬША

Ежемесячник о Польше на русском языке. Публицистика, политика, вопросы экономики и культуры, обзор литературной и научной жизни страны.

twórczość

Самый долговечный и заслуженный польский литературный ежемесячник, посвящённый современной прозе, поэзии и культурной публицистике. Журнал активно участвует в культурной жизни Польши.

DWUTYGOODNIK

ruch muzyczny

Единственный в Польше журнал о музыке, её теории и практике. Выходит раз в две недели.

L I T E R A T U R A na świat

Известнейший ежемесячник, содержащий обзор произведений зарубежных авторов.

Biblioteka Narodowa. Zakład Wydawniczy Czasopism Patronackich,
00-973 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax 6082488, tel. 6082374